

Дарья

ДВОЙНОЙ
СМЕШНОЙ
ДЕТЕКТИВ

Калинина

ПОЧЕМУ
МУЖЧИНЫ
ВРУТ

АМАЗОНКИ
ПОД ЧЕРНЫМИ
ПАРУСАМИ

Дарья Александровна Калинина
Почему мужчины
врут. Амазонки под
черными парусами
Серия «Двойной смешной детектив»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70184293

Дарья Калинина. Почему мужчины врут; Амазонки под черными парусами (сборник): Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-04-189919-6

Аннотация

Почему мужчины врут

Ну какая женщина равнодушно пройдет мимо ювелирного магазина? Вот и Мариша не устояла перед искушением. И увидела, как некий молодой человек пытался продать с рук старинную погребушку – серебряного петушка на палочке, по его словам, принадлежавшего царской семье Романовых. Конечно, Мариша не могла упустить такой шанс. А из вечерних новостей узнала, что в этот день был убит известный антиквар, из чьей коллекции, наряду с другими ценностями, похищена та самая серебряная погребушка. Купила, называется, баба... петушка!..

Амазонки под черными парусами

Сокровища средневекового пирата Балтазара Коссы многим не дают покоя. Да и кто откажется от золота? Вот и жених Вероники – Валик – не устоял перед искушением. В руках у него оказалась карта с указанием заветного места. И все складывалось удачно до тех пор, пока Валика не похитили неизвестные. Злоумышленники позвонили его невесте Веронике с требованием огромного выкупа. Но денег у Вероники нет, и единственная для нее возможность помочь любимому – это освободить его с помощью подруг Киры и Леси – известных в городе сыщиц-любительниц...

Содержание

Почему мужчины врут	6
Конец ознакомительного фрагмента.	190

Дарья Калинина
Почему мужчины врут
Амазонки под
черными парусами
(сборник)

© Калинина Д. А., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Почему мужчины врут

Дарья Калинина

ДВОЙНОЙ
СМЕШНОЙ
ДЕТЕКТИВ

ПОЧЕМУ
МУЖЧИНЫ
ВРУТ

Ну какая женщина равнодушно пройдет мимо ювелирного магазина? Вот и Мариша не устояла перед искушением. И увидела, как некий молодой человек попытался продать с рук старинную погребную мушку – серебряного петушка на папочке, по его словам принадлежавшего царской семье Романовых. Конечно, Мариша не могла упустить такой шанс. А из вечерних новостей узнала, что в этот день был убит известный антиквар, из чьей коллекции наряду с другими драгоценностями похищена та самая серебряная мушка. Кто она, называется?

Глава 1

До чего же здорово ощущать себя будущей мамой! Чувства совершенно невероятные и какие-то удивительно теплые. И главное, даже не в тебе самой дело, сама-то ты рада до чертиков, и это понятно, все дело в окружающих. Все вокруг внезапно становятся страшно заботливыми, милыми и внимательными к твоей сиятельной персоне.

Мариша сама поняла это, едва сообщив своим родным о скором прибавлении в их семействе. Мама едва не упала в обморок от счастья. Муж прыгал до потолка, словно мальчишка. Соседи наперебой желали доброго здоровья и удачного завершения беременности. Правда, беременность почему-то они воспринимали не совсем так, как Мариша.

Чаще всего реплики со стороны были следующими:

– Как же вы решились?!

– Маленький ребенок – это такая ответственность!

– В вашем-то возрасте! А это не опасно?

И даже такие:

– С ума сошла? Зачем тебе эта докука?

– Жила себе счастливо, теперь хомут на шею повесишь!

И лишь одна Марья Семеновна – старушка из сорок пятой квартиры – ласково улыбнулась и сказала:

– Молодец, девочка! Правильно решила! Дети – это счастье. Поверь моим словам. Возможно, они и будут достав-

лять тебе массу хлопот и забот, возможно, ты будешь сильно уставать от них, но когда они вырастут и вылетят из родного гнезда, ты поймешь, какие же это все-таки были счастливые годы.

В принципе Мариша так далеко не заглядывала. Пока что ее больше интересовало, что же нужно приобрести для младенца, чтобы тот с первых же дней на этом свете чувствовал себя комфортно. Конечно, в первую очередь ребенку нужна своя собственная комната – детская. Если будет девочка, то ее следует отделать в бело-розовых тонах с максимальным количеством кружев, оборочек и рюшечек. А если мальчик... Тут Мариша несколько затруднялась с выбором, но полагала, что светло-зеленые стены и кровать в форме гоночного болида будут благосклонно восприняты ее будущим отпрыском.

Маришина мама, у которой в этом деле был большой опыт, чем у самой Мариши, по мере сил останавливала полет фантазии дочери.

– Ребятишки – народ живучий и неприхотливый, – говорила она. – Все, что им надо в первые месяцы жизни, – это уютная постелька, здоровая еда и крепкий сон. С окружающим миром они общаются лишь по своим собственным сугубо физиологическим надобностям. Испачкались – кричат. Есть хотят – снова крик. Пить – тоже. Ну, или если животик болит. А больше ребенок кричать не должен. Если он сыт, хорошо поспал и ему тепло и сухо, то он счастлив. Во всяком

случае, ты у меня была именно такая.

Мариша уже в досталь наслушалась от мамы рассказов о том, каким замечательным ребенком была она сама. Просто удивительно, как это случилось. Ведь прежде у мамы находилось множество претензий к дочери. В том числе и к тому ее младенческому периоду.

Прежде-то Мариша была просто невозможным ребенком. Она никуда не отпускала от себя маму, устраивая настоящие скандалы. Уходя на работу, маме приходилось переодеваться из домашнего халатика в служебный костюм прямо на лестничной клетке, дрожа от холодного гуляющего по лестнице сквозняка и рискуя попасться на глаза соседям в одном нижнем белье. А в доме за закрытой дверью под присмотром бдительной бабушки в это время аккомпанементом к маминному стриптизу рыдала Мариша, кидаясь на дверь с воплями:

– Мама! Мама! Мама, вернись!

В детстве Мариша вообще с подозрением относилась к любым исчезновениям своей мамы. И даже когда та шла в туалет, дочь преданно дежурила возле закрытой двери, время от времени осведомляясь:

– Мама, а что ты там делаешь? Ну, мама?! Что ты там делаешь? Скажи!

Но теперь все изменилось. Оказалось, что Мариша и в детстве была просто удивительным ребенком. Уникальным, замечательным, самым что ни на есть любимым на свете! И

с годами любовь матери к ней все только росла и росла. А теперь, когда дочь и сама собиралась стать матерью и подарить бабушке долгожданного внука или внучку, материнская любовь буквально зашкаливала за все мыслимые и немыслимые отметки.

Сама Мариша была озабочена материальной стороной предстоящего материнства. И несмотря на запреты матери и многочисленные советы окружающих ни в коем случае не делать этого, Мариша уже приобрела несколько обновок для будущего сыночка или доченьки.

– Это к несчастью!

– Дурная примета!

– Никогда не следует ставить телегу впереди лошади, а колыбельку впереди ребенка. Пусть сначала родится, тогда все и сделаешь.

– А иначе накличешь на себя беду!

Мариша в подобные суеверия не слишком-то верила. Она вообще в приметы не очень верила. Ведь беды случаются не из-за примет. Они случаются... Ну, просто потому, что случаются. Но совершенно точно, что люди разоряются вовсе не потому, что подняли на улице чужую банкноту. И болеют не потому, что на них навели порчу. И разумеется, умирают вовсе не по вине черных кошек, которые живут поблизости и бегают через дорогу.

Но все же Марише хотелось быть идеальной матерью. И она изо всех сил старалась быть благоразумной. Поэтому она

хоть и купила для будущего малыша несколько костюмчиков, но купила их, что называется, «на вырост». Подбор цвета Мариша тоже продумала. Костюмчики были – желтенький, зелененький и бежевый. Они могли быть одинаково хороши как для мальчика, так и для девочки. Костюмчики Мариша взяла хоть и на разный рост и возраст, но почему-то принеся их домой и сравнив, поняла, что все они практически одинаковые по размеру.

– Ну, ничего! Зато они все очень хорошенькие. И ребеночку в них будет уютно.

И Мариша принялась рассматривать свои покупки. Какие же все одежки хорошенькие! Каждый костюмчик по-своему, но все три очень нравятся Марише. Хотя там в магазине был совершенно очаровательный розовенький, с кружавчиками, с блестками и еще с целой кучей вышивки. От его красоты у Мариши даже в глазах помутилось. Но она напонила себе, что должна быть благоразумной, и отошла от прилавка.

Желтенький, купленный ею первым, костюмчик был целиковый, но ручки и ножки ребенка оставались открытыми. Костюмчик был сделан из плотной махры на подстежке из тонкой байки. И по всей грудке и животу были вышиты очаровательные маленькие цыплятки, клюющие зернышки, играющие в мячик и догоняющие червячка.

Второй костюмчик был бархатный с вышитыми утятами. К нему прилагалась такая же зелененькая шапочка и баретки. Ну а бежевый костюм из плотного трикотажа был «двой-

кой». Толстенькие трикотажные штанишки с лодочками и чайками на них и симпатичная кофточка с бирюзовой вставкой, по которой плыла маленькая лодочка с парусом.

Рождение малыша предполагалось где-то в начале апреля, а в такую пору в Питере еще весьма прохладно. Да и летом тоже случаются холодные деньки. Будет лучше, если у малыша заранее окажется несколько более или менее теплых предметов гардероба. Ах, как бы Марише хотелось купить то розовое, воздушное и элегантное! Но вдруг как назло родится мальчик? Пожалуй, такая покупка станет для него плохим предзнаменованием.

Но все эти практичные покупки были сделаны с более или менее холодной головой. А вот на сегодня у Мариши был запланирован поход в магазин игрушек. Она давно решила пойти туда и порадовать и себя, и будущего ребенка.

И пусть все в один голос говорят, что новорожденные младенцы ничего не видят, практически не слышат и вообще пребывают в полубезомыслии. Плевать! Она в эти сказки не верит. Ее ребенок будет все понимать с самого рождения! И конечно, он будет самым умным, самым развитым и самым замечательным малышом на свете!

И само собой разумеется, Маришин прекрасный ребенок будет окружен с самого первого дня веселыми добрыми друзьями – мишками, клоунами, куклами и синими бегемотиками. Вся детская будет забита ими! Ну, и конечно, еще погремушками, музыкальными каруселями и прочими инте-

ресными для ребенка вещами. У него будет все и... и еще немножко.

Прекрасно понимая, что родные не одобряют ее порыва и в чем-то будут отчасти правы, Мариша отправилась в магазин игрушек тайком. Вчера у нее состоялся обстоятельный разговор со Смайлом – ее мужем относительно розового летнего платица в белый горошек, которое он обнаружил на своей полке. И что его туда потянуло? Никогда раньше сам за своими носками не лазил, а тут вдруг его прихватило!

Мариша нарочно спрятала на полку Смайла эту покупку, твердо уверенная, что это будет последнее место в доме, куда муж додумается заглянуть. И вот невезуха! Смайл взял и заглянул. И обнаружил не только платье, но еще и ярко-синюю матроску с брючками клеш и ужасно расшумелся.

– Тебе не кажется, что оба эти предмета прямо противоположны друг другу? Кого мы ждем? Мальчика или девочку?

– Мальчика, – не колеблясь, ответила Мариша.

– А если подумать?

– Ну... или девочку.

– И кому из них предназначаются эти обновки?

– Обоим! – выпалила Мариша, и на глаза у нее навернулись слезы.

Ну что он к ней прицепился с каким-то костюмчиком?! Далось ему это платье! Подумаешь, что оно стоит как взрослое вечернее! Эти вещи всегда можно вернуть в магазин.

Нет... Пожалуй, вернуть жалко будет. Они ведь такие красивые.

Но их... их всегда можно кому-то подарить! Да, подарить оно самое то! Все будут рады такому подарку. И потом, вокруг ведь полно новорожденных младенцев! Любая мать будет рада получить в подарок красивую одежду. Абсолютно любая!

– Потому что, если видишь в магазине что-то симпатичное для ребенка – это надо брать немедленно! – втолковывала Мариша мужу, когда немного успокоилась, а Смайл принес ей свои глубокие и искренние извинения, скрепленные горячим супружеским поцелуем. – Это как со взрослыми, только еще сложнее. Ведь для взрослых магазинов полно, а для маленьких детей единицы! Например, ближайший к нашему дому находится в двух автобусных остановках. И выбор там совсем не велик. Так что, если видишь симпатичную вещичку, надо ее хватать, пока другие желающие ее не урвали. И неважно, что она пока что малышу будет велика. Дети растут быстро.

– А ты не боишься, что за то время, пока растет ребенок, вещь выйдет из моды?

– Ну, не настолько же я забегаю вперед. За полгода классический костюм-тройка из моды не выйдет!

Мариша произнесла это и тут же пожалела о собственной откровенности. Но было уже поздно. Смайл насторожил уши:

– Костюм? – произнес он. – Тройка? Для младенца? А галстук ты ему еще не прикупила?

Чувствуя, что разговор вновь принимает нежелательный оборот, тем более что хорошенький синий шелковый галстук с красными мишками уже лежал у нее, припрятанный за собственными лифчиками, Мариша воскликнула:

– Ну а игрушки? Надеюсь, против игрушек ты не будешь возражать? Прекрасные развивающие игрушки, которые помогут нашему ребенку быстрее освоить окружающий его мир! Сделают его с первых же шагов всесторонне развитым человеком! Умником! Отличником!

И какой отец втайне не хочет гордиться своим отпрыском? Таких просто нет. Все люди тщеславны до невозможности. И их дети – это одно из наиважнейших достижений в этой жизни. Чем успешней ребенок, тем более горд и счастлив его родитель. Вот и Смайл не стал исключением.

В ответ на слова жены он кивнул своей густой рыжей гривой и важно сказал:

– Насчет игрушек – это ты права. Тем более что у нас будет детская комната. Чем же ее и забить до потолка, как не игрушками?

Мариша промолчала о том, что уже заказала для детской мебель в двух комплектах. Один для девочки, другой для мальчика. И даже отдала предоплату. Как она будет получать деньги за один из гарнитуров назад, Мариша предпочитала сейчас не думать. В конце концов, у нее есть темы для раз-

мышлений и поприятнее.

Получив карт-бланш на посещение игрушечного магазина, Мариша немедленно решила этим воспользоваться. И уже сегодня появилась в магазине игрушек.

О-о-о! Чего тут только не было! Мягкие игрушки всех цветов и размеров. Некоторые прямо-таки устрашающих размеров, которые поместятся разве что в замках или в домах вроде них. Слоники, лошадки и ослики, на которых можно кататься, качаться, прыгать и с которыми можно даже разговаривать. Многочисленные армии плюшевых медведей всех цветов, мастей и пород!

А также куклы! Куклы-младенцы, куклы-мальчики, куклы-девочки, куклы-девушки, куклы уже совсем взрослые женщины и даже куклы-старушки и старички. Ну и конечно, посуда для них, домики, мебель, одежда, украшения и все прочие аксессуары.

Походив между прилавков, Мариша откровенно забуксовала среди этого изобилия.

– Могу я вам чем-нибудь помочь? Что вас интересует?

С этими словами возле Мариши возникла миловидная круглолицая девушка с ямочками на щеках. При одном взгляде на нее становилось как-то удивительно спокойно и уютно. Жизнерадостная улыбка трепетала на губах у девушки. И смотрела она очень приветливо.

– У вас будет малыш? – спросила она, взглянув на Маришу. – Покупаете игрушки для него? Тогда вас, наверное, в

первую очередь заинтересует наш отдел младенческих радостей.

– Отдел младенческих радостей?

– Ну, это я его так называю, – засмеялась продавщица. – У меня у самой есть дочка. Ей всего лишь полтора годика, но она такая умница! А все благодаря тому, что с самого рождения она была окружена хорошими игрушками. Яркими, музыкальными и при этом познавательными!

– Ой, мне тоже надо такие! – обрадовалась Мариша. – Ведите меня к ним! Скорее!

Отдел для новорожденных занимал собой пространство примерно так в шесть соток. И оно было плотно заставлено стеллажами, на которых в четыре ряда громоздилось множество коробок разных размеров и расцветок.

– Вы уже знаете, кто у вас будет? Мальчик или девочка?

– Нет, – растерянно отозвалась Мариша, пытаясь обозреть все пространство с «малышковыми» играми. – Пока нет.

– Ну, пол ребенка при выборе игрушек для таких маленьких малышей – это и не принципиально, – заверила ее продавщица. – Где-то до года дети вообще не понимают, кто они такие – мальчики или девочки. А цвет их костюмчиков зависит исключительно от вкуса их мам. Но что бы вы лично для себя хотели?

– Я не знаю! – растерянно отозвалась Мариша, разглядывая длинные шеренги всевозможных говорящих ферм, мяукающих кошечек, гавкающих собачек и даже жирафов, зна-

ющих наизусть весь латинский алфавит и охотно делящихся с окружающими.

Вот интересно, почему жираф знает именно английские буквы, а не мозамбикские или где там в Африке водятся жирафы? Но сам жираф Марише понравился. К тому же к нему в наборе прилагался пластмассовый лев, который пел веселые мелодии, целых тридцать штук. И совсем маленькая зеленая уточка на колесиках, которая весело крикала, впервалочку катаясь по квартире.

– Можно вот этот наборчик?! – воскликнула Мариша. – Какая прелесть!

– Конечно. Только вряд ли ваш грудничок сразу его оценит. Возьмите еще музыкальную карусель.

– А ее зачем?

– Подвесите у ребенка над изголовьем кровати. Игрушки станут медленно крутиться перед его взглядом, будет играть приятная тихая музыка. И вашему ребенку будет отличное развлечение. Только берите на батарейках, такие карусели убаюкивают ребенка достаточно долго, чтобы он заснул.

– Обязательно возьму! – с живостью откликнулась Мариша. – Карусель – это непременно! А еще что?

– Погремушки. У нас отличный выбор погремушек. Все они сделаны из экологически чистых материалов. Любую из них ребенок может засунуть себе в рот без риска подавиться.

Мариша с азартом кинулась к стенду с погремушками и тут же замерла перед ним. Это что-то невероятное! Какие

яркие попугаи! Какие удобные изогнутые ручки! А это что? Что за странная хреновина?

– А это мобиль Мебиуса!

– Что? – удивилась Мариша.

– Ну, петля Мебиуса!

– Что?

– Ну, кривая в виде замкнутой восьмеркой ленты, не имеющая ни начала, ни конца. Смотрите!

И девушка ловко развернула восьмерку, придав ей форму двух незамкнутых колец. Потом свернула иначе, и получилось что-то объемное и очень странное. Мариша смотрела на это чудо, словно замороженная.

– Игрушка выполнена из нескольких материалов, которые чередуются между собой и позволяют малышу через тактильные ощущения познавать мир. Видите, тут резиновая поверхность. Она отличается от шершавой металлической. А вот гладкая и прозрачная пластиковая. Она внутри полая и в ней шарики для привлечения внимания.

– Беру!

Правда, цена игрушки несколько умерила пыл Мариши. Как могут шесть кусочков пластика, металла и резины стоить почти тысячу рублей? Но она все равно купила ленту Мебиуса. Как же упустить такую замечательную развивающую вещь? И название звучит так благородно, по-научному!

– А вот книжка для грудничков, – продолжала суетиться продавщица. – Как видите, у нее мягкие странички снаружи,

а внутри они иногда хрустят, иногда скрипят, а иногда даже и пищат. Ребенок мнет их в руках, и каждый раз они издают разные звуки.

– Беру!

– А вот погремушки с колокольчиками.

– Беру!

– Поильник с шариками.

– Беру!

– А...

– Беру!

Из магазина Мариша уходила буквально навьюченная покупками. Какое счастье, что ее машина стоит неподалеку. Сейчас Мариша загрузит все детские покупки в машину, а потом спокойно пройдет еще немного. Ммм... А куда потом ей девать все купленные игрушки? Мариша чувствовала, что она несколько увлеклась и купила больше, чем было оговорено.

Может быть, отвезти игрушки к маме? Пусть она потом приносит по одной, а Смайлу совсем не надо знать, что все полтора десятка погремушек, не говоря уж о прочем, приобрела именно его жена. Успокоившись этим решением, Мариша загрузила покупки в багажник своего «фордика», попутно порадовавшись тому, какой он вместительный.

А затем, распрямившись, огляделась по сторонам. На глаза ей немедленно попала яркая вывеска. О! Ювелирный магазин! Вот туда-то ей и надо! Давно пора приобрести себе

какие-нибудь сережки, ну, или колечко. Да и Смайлу не повредит красивый перстень или запонки. Можно еще зажим для галстука, хотя Смайл галстуков и не носит.

Тем не менее Мариша двинулась в сторону ювелирного магазина. Какая женщина не любит украшения? Во всяком случае, Мариша точно обожает!

Поэтому, оказавшись на углу Невского и Лиговского проспектов, она не колебалась. Перед ней была вывеска «Ювелирный», и она тут же зашла в магазин.

– Добрый день.

Мариша огляделась и немного удивилась. Странно, обычно ювелирные магазины занимают куда большие по размеру помещения. Но впрочем, сейчас ведь кризис. Возможно, объем товара урезан. Надо надеяться, что не в ущерб качеству.

Пока Мариша разглядывала прилавки, никто к ней не подошел. Единственная продавщица была занята с каким-то парнем, с которым она вела жаркий торг по поводу какого-то предмета у него в руках. Мариша слегка удивилась, что в магазинах теперь можно торговаться. Но быстро засунула свое высунувшееся советское сознание куда подальше и прислушалась к диалогу, который велся в другом конце магазина.

– Три!

– Десять!

– Три с половиной!

– Десять!

– Четыре!

– Нет! Десять! Я и так отдаю за десятую часть ее цены. Да что там за десятую! За сотую! За тысячную! Эта вещь бесценна! Ею в колыбели забавлялся еще сам император Александр!

Услышав последнюю фразу, Мариша моментально переместилась поближе к спорящим. Что у них там? Ей это обязательно надо знать!

Она уже смекнула, что оказалась не в обычном ювелирном магазине, а в примыкающем к нему вплотную ломбарде.

А тем временем парнишка продолжал настаивать:

– Сами взгляните, какая вещица! Неужели десять тысяч рублей за нее – это дорого?!

– Дорого! – твердо заявила продавщица. – Мы принимаем изделия по цене лома. И при всей моей к вам симпатии цена за сие изделие сильно завышена. Цена лома всего две с небольшим тысячи.

– Лом! – воскликнул молодой человек. – Это невероятно! О чем вы говорите? Это не лом! Старинное литье! Это художественная ценность! Историческая! Уникальная!

При этих его словах Мариша еще больше заинтересовалась. Что у него там? И она подошла еще ближе. Продавщица стрельнула в ее сторону враждебным взглядом, но Марише было все равно. Она тут такая же посетительница, как и молодой человек с... С чем же он там пришел?

– Повторяю, никак не могу принять у вас вещь дороже

четырёх тысяч! И то исключительно, если я возьму ее для себя. Принять я ее могу лишь по цене лома. А это будет еще дешевле.

– Так и возьмите! У вас есть дети? Возьмите для них! Они будут сосать погремушку самого императора Александра Второго!

Услышав это, Мариша едва не грохнулась в обморок. Любопытство ее буквально зашкалило за все пределы достижимого. Что же там такое предлагает молодой человек? Погремушку? Императора Александра Освободителя? Просто невозможно не посмотреть на эту вещь!

Но молодой человек, пристававший к продавщице, как раз в этот момент кинулся за дверь. Он явно разубедился в том, что сможет создать плодотворный альянс с продавщицей. И собирался удрать в другое место. Нельзя было этого допустить!

Мариша поспешила за ним. И в три могучих прыжка (помогли все-таки занятия лечебной физкультурой для беременных!) нагнала парнишку.

– Стой! – выдохнула она. – Что это у тебя за погремушка?

Парнишка кинул на нее пыливый взгляд:

– А вам нужно?

– Да!

Поколебавшись ровно секунду, парнишка верно оценил горящий взгляд Мариши и протянул ей на ладошке нечто серебристое и на палочке. Приглядевшись, Мариша поняла,

что это не что иное, как сделанный из серебра петушок на палочке.

– Если его потрясти, то внутри зазвенят колокольчики, – сказал парень.

Ну, потрясти и потрясти. Что тут, казалось бы, такого? Мариша только что купила тысячи куда более ярких и новых погремушек. Но почему-то она глаз не могла отвести именно от этой.

На голове петушка топорщился гребешок. Каждое перышко на его оперенье было отчетливо видно. Крылья, пышный хвост, мощная грудка. И даже чешуйки и шпоры на лапках у петушка были выполнены с полной натурализацией, но при этом так, что поцарапать младенца никак не могли.

– Какая красота! – невольно выдохнула Мариша, оценивающе вертя в руках петушка.

– Вам нравится?

– Очень красиво!

– Это коллекционный экземпляр, – похвастался молодой человек.

– В самом деле?

Мариша с сомнением окинула наряд паренька. Однако на богатого человека он совсем не тянет. И даже совсем напротив. Вещи на нем старомодные. Хорошего качества, но бывшие в обиходе свыше десяти-пятнадцати, а то и двадцати лет назад. Что за коллекцию мог собирать этот странный юноша?

Да и сам паренек не производил благоприятного впечат-

ления. Волосы густые, но засаленные. Брюки снизу заляпаны грязью. Ботинки тоже давно не чищены. И еще щетина на щеках, двух, а может быть, уже и трехдневная!

– М-м-м... – в сомнении протянула Мариша. – Коллекционный экземпляр? А из какой коллекции?

– Понимаете, – сбивчато начал говорить молодой человек, – мне от моей бабушки досталась коллекция старинного серебра. У нас с бабушкой никого близких больше нету. Мои отец и мать умерли, когда я был еще младенцем. Бабушка усыновила меня и воспитывала как собственного ребенка. Мы так любим друг друга! Но теперь моя бабушка тяжело больна. Для излечения от болезни ей необходимо хирургическое вмешательство. И что нам делать? Мы вынуждены распродавать коллекцию!

В глазах молодого человека мелькнуло отчаяние. А Мариша устыдилась своих первоначальных мыслей на его счет. Ясно, что ботинки ему почистить некогда, потому что он денно и ночно ухаживает за больной бабушкой. Денег даже на вакуу не хватает. Парень мотается в больницу каждый день, варит и возит старушке бульон или рагу из телятины. Поэтому и побриться ему некогда. Да и телятина нынче не дешева!

– Врачи потребовали за операцию тридцать тысяч! – продолжал говорить молодой человек. – Если купите эту погрешку, то оставшиеся двадцать тысяч у нас уже есть!

Ну, и как тут Мариша могла отказаться? Разумеется, она

тут же сходила к ближайшему банкомату, сняла необходимую сумму и торжественно вручила ее любящему внуку. Как редко в наши времена встречаются такие молодые люди! Вот если бы собственные Маришины внуки были бы такими же внимательными! Но чтобы иметь заботливых внуков, надо сначала занять собственное чадо!

– Десять тысяч на лечение твоей бабушки – это ерунда! – сказала Мариша, отсчитывая деньги. – Только, умоляю тебя, не надевай больше пиджак своего дедушки! Честное слово, даже если у вас совсем нет денег, то возьми лучше дедушкин шерстяной свитер!

Ответа Мариша так и не дождалась. Едва молодой человек получил свои деньги, как бесследно растворился. На память о нем в руках у Мариши остался лишь серебряный петушок. Тот самый, которым, по словам молодого человека, в младенчестве забавлялся сам император Александр. Интересно, а под каким номером? Ах да! Вроде бы это был император Александр Второй. Надо бы уточнить, был ли этот человек счастлив в своей жизни?

Ведь иногда величие и карьера отнюдь не являются основополагающими факторами для счастья в этой жизни!

Следующие четверть часа Мариша провела за любованием петушком. Как же он был хорош! Просто чудо! Перышко к перышку! Гребешок топорщится! Глаза горят здоровым блеском! И при этом ни капли враждебности в облике! Очень внимательный, усердный петушок. Заботливый и

добрый.

Мариша помнила, как ее мама рассказывала о летних месяцах в деревне у ее дедушки. Там тоже были петушки. И мама рассказывала о своих детских впечатлениях вот что:

– Так вот один петушок у бабушки был драчун и забияка. Бил всех курочек, обижал цыплят и в конце концов за такое свое поведение угодил в наш бульон. А другой петушок, его родственник, был совсем другим. Он очень заботился о всех своих супругах и детях. Как найдет червячка, сразу же кудахчет, зовет курочек на обед. Червяк один, куриц много, но петух ходит промежду них и собой страшно доволен. Никогда себе ничего в рот не возьмет, сначала своих курочек позовет на угощение. Очень был заботливый!

Вот и Марише показалось, что этот петушок на погребушке был именно таким – заботливым, внимательным и серьезным. Судьба подопечных ему курочек занимала его больше всего. А если попадались осиротевшие гусята, утята или индюшата, он и их, должно быть, брал под свою опеку. Птицам негоже между собой ссориться. У всякой водоплавающей или другой какой птицы и без того врагов на свете хватает!

Одним словом, очень хороший попался Марише петушок. Ей он сразу приглянулся. И серебряный он был или нет, не имело значения. Марише показалось, что именно такая игрушка может пригодиться ее малышу. Ведь то, вырастет ли малыш хорошим человеком, зависит от того, что он будет

держат в руках с первой минуты своей жизни. Непонятную ленту Мебиуса или такого вот старинного петушка.

Глава 2

Дальше Мариша отправилась к себе домой. Купленный петушок лежал у нее в сумке. И по какой-то причине она опасалась продемонстрировать свою покупку мужу. Смайл обязательно бы поинтересовался, как к ней попала эта вещь. И что сказала бы ему Мариша? Она купила погремушку для их еще не рожденного ребенка с рук? Мало того, погремушка не выглядит такой уж новой. И даже напротив, выглядит она очень старой и к тому же еще покрытой налетом времени – патиной.

– Темный налет на серебре легко отчистить! – проинформировал Маришу парнишка-продавец. – Но вы лучше ничего специально не чистите! Промойте игрушку в растворе мыльной воды, а потом сполосните чистой проточной водой. И все! Больше никакие окислы на вашей погремушке не образуются.

Придя домой, Мариша первым делом так и поступила. Помыла погремушку сначала в мыльной воде, а потом сунула петушка под кран. Но все равно петушок оставался покрытым каким-то налетом, словно пленкой.

– Нет, так не пойдет! – решила Мариша и придвинула к себе стаканчик, из которого топорщились разнообразные тю-

бики зубной пасты.

Совсем недолго поколебавшись, она взяла немного отбеливающей пасты, щедро добавила к ней «Жемчуга», а затем принялась надраивать петушка получившейся влажной массой. Через пять минут погремушку было просто не узнать. Она сверкала так, что любо-дорого посмотреть.

– Ну вот, теперь полный порядок! – успокоилась Мариша и понесла погремушку в комнату.

Муж петушка одобрил.

– Красивая вещица. Наверное, дорого стоит?

– М-м-м... Нет. Ерунду.

Но Смайла петушок заинтересовал. Он повертел его в руках и снова спросил:

– Это серебро?

– М-м-м... Мельхиор, наверное.

– На мельхиор совсем не похоже. И тут проба. Ого!

– Что? – заволновалась Мариша. – Что-то не так?

– Тут еще клеймо какое-то имеется. Похоже, старинное.

– Слушай! Отдай погремушку мне! – не выдержала Мариша.

Знала бы, что Смайл так вцепится в этого петушка, держала бы покупку в тайне до самого последнего момента. Или сразу же отдала бы сыночку. Пускай бы потом Смайл попробовал отнять у младенца его погремушку!

– Тут клеймо, – повторил Смайл. – Похоже на императорскую корону. Это что, царская игрушка?

– Ерунда, – попыталась отмахнуться Мариша.

Но муж на ее удочку не попался и возразил:

– Нет, не ерунда. Тут еще и двуглавый орел имеется. Это ведь символ вашей царской фамилии? Романовых, если я не ошибаюсь?

– Не знаю, – ответила Мариша, чувствуя, как у нее по спине ползут неприятные мурашки.

Если уж даже ее муж-иностранец просек, до чего ценен этот петушок, то что говорить про остальных! И зачем она только купила эту погремушку? Наверное, парень ее где-то украл! А где? Возможно, в музее! В Эрмитаже!

И теперь Мариша стала пособницей кражи из самого известного музея России! О, ужас!

– Ты что-то побледнела, – заметил Смайл, подняв глаза на жену. – Плохо себя чувствуешь?

Мариша мигом ухватилась за брошенную ей соломинку.

– Да, – с жаром откликнулась она. – Живот тянет. И спина болит.

– Приляг! – Смайл мигом вскочил на ноги. – Приляг скорее! Тебе нельзя много ходить. Ляг! Отдохни! Успокойся!

Мариша опустилась на диван, счастливо улыбаясь. Какой у нее заботливый и хороший муж! И как же им легко управлять! И про петушка-то Смайл сразу же забыл, чего, собственно говоря, и добивалась Мариша, затеявшая весь этот спектакль.

Ничего она себя плохо не чувствовала. Просто испуга-

лась, представив грозящие ей последствия ее необдуманного поступка. Узнав, что петушок – это коллекционная вещь, надо было не хватать понравившуюся игрушку, а бежать в милицию и требовать, чтобы подозрительного паренька вместе с его серебряным петушком задержали прямо на месте.

– И что мне теперь делать? – прошептала Мариша, когда Смайл унесся на кухню, чтобы приготовить там для жены травяной чай. – Кому пожаловаться?

До самого вечера Мариша пересматривала различные варианты. Но в результате так ничего и не решила. Идти сейчас в милицию было уже поздно. Паренек уже исчез, и где его искать, Мариша не представляла.

– И потом, с чего я взяла, что петушок именно украден? Очень может быть, что мальчишка рассказал мне правду.

Но что-то мешало Марише до конца поверить в правдивость рассказанной парнишкой истории про больную бабушку. И даже более того, чем дольше Мариша размышляла над этим, тем отчетливей ей становилось ясно, что парнишка ей соврал.

Да и внешний вид продавца должен был насторожить Маришу. Трясущиеся руки, красные воспаленные глаза, общий вид неухоженного и не следящего за собой человека. Тогда Мариша списала все это на волнение и страх за больную бабушку, но теперь, размышляя, была склонна думать иначе.

– Парень либо наркоман, либо алкоголик! А у таких людей серебряные погремушки дома обычно долго не залежи-

ваются.

И все же к вечеру Мариша немного успокоилась. То ли сыграл свою роль травяной чай, который заварил ей Смайл, то ли просто Мариша устала волноваться, но она уютно свернулась под теплым пледом и заснула. Разбудил ее голос диктора, вещающего по одному из региональных каналов. Поморгав, Мариша поняла, что уже наступил вечер, а по телевизору показывают их местные новости.

– Проснулась? – ласково усмехнулся Смайл, лежащий с журналом рядом. – А я уж думал, что ты так до самого утра и проспишь.

Но Мариша лишь мельком взглянула на мужа. Ее внимание приковал к себе диктор, который сообщал о смерти некоего гражданина Воронцова, убитого вчера вечером у себя в квартире.

– Господин Воронцов был хорошо известен в исторических кругах нашего города как большой знаток и ценитель предметов искусства. Доктор искусствоведческих наук, он имел несколько научных работ, переведенных на многие языки мира. Но господин Воронцов был также известен как очень знающий коллекционер. Видимо, его ценнейшая коллекция и стала причиной смерти пожилого человека. Злоумышленники проникли в его квартиру через дверь, оглушили хозяина, а затем вынесли из квартиры все ценное, включая также и несколько наиболее дорогих экспонатов коллекции господина Воронцова. В их числе было несколько

предметов, принадлежащих еще семье Романовых, а также другие уникальные вещи, приобретенные господином Воронцовым на различных аукционах мира.

Дальше Мариша не слушала. В это время на экране появились фотографии из коллекции погибшего господина Воронцова. И Мариша сдавленно ахнула.

– Что? – немедленно подскочил Смайл. – Тебе снова нехорошо? Сделать чаю?

– Да, пожалуйста.

– Может быть, еще и таблеточку принести?

– Да. И таблеточку тоже.

Смайл убежал на кухню, а Мариша перевела дыхание. Слава богу, что ей удалось отвлечь внимание мужа. Но нет, не удалось! Уже выходя из комнаты, Смайл бросил взгляд на экран телевизора и внезапно замер на месте.

А затем воскликнул, обращаясь к жене:

– Мариша! Посмотри! Это же тот самый петушок, что ты купила сегодня? Разве нет?

– Ну что ты! Совсем не похож!

– А мне кажется, один в один!

– Нет, ты ошибаешься. Тот петушок весь черный, а наш блестит!

– Покрыт налетом, вот и черный. Мариша, признайся, ты ведь его мыла?

– Ну что ты!

Но тут же Мариша почувствовала, как предательски крас-

неет. У нее даже уши запылали двумя маленькими факелами. И конечно, Смайл это немедленно заметил. Он зажег верхний свет в комнате и пытливо уставился на жену. Мариша постаралась сделать вид, что ровным счетом ничего не происходит. И специально не смотрела на Смайла.

– Мариша! – услышала она требовательный голос мужа. – Где ты взяла этого петушка? Отвечай мне!

– Купила.

– Где? В магазине?

– Да. Верней, не совсем в магазине, а... а рядом.

– Рядом? Как это рядом?

– Ну, перед магазином.

– Что это значит, рядом? Ты купила погремушку для нашего ребенка... с рук?

Голос мужа звучал слишком настойчиво, чтобы Мариша решилась соврать. Великий Боже, и за что ей все это? Что плохого она сделала? Всего лишь хотела порадовать своего будущего ребеночка, вот и купила ему приглянувшуюся вещицу. За что же ее ругать?

Но все же Марише пришлось выложить мужу все правду о том, как была ею совершена эта покупка. Ругать ее Смайл не стал. Он просто задумчиво посмотрел на жену и произнес:

– Иногда ты выкидываешь такие фокусы, что я не знаю, что и думать. Ты маленький ребенок или все-таки взрослая женщина?

– Не ругай меня! – на всякий случай напомнила ему Ма-

риша. – Мне нельзя волноваться!

– А скупать ворованное, значит, можно!

– Но я же не знала, что погремушка ворованная!

– Позволь тебе напомнить, что незнание законов не освобождает от ответственности.

– Н-на ч-что ты намекаешь? – дрожащим голосом спросила у него Мариша.

– Я не хочу, чтобы мою беременную жену посадили в тюрьму за кражу и убийство.

– Я никого не убивала! – содрогнулась Мариша.

– Очень на это надеюсь. Но все равно мы с тобой должны немедленно пойти в милицию и все там рассказать!

Мариша в ответ только вздохнула. Должны, кто же спорит? Но как не хочется! Мамочки родные, как же ей этого не хочется делать!

В милиции Маришу со Смайлом внимательно выслушали. Записали их паспортные данные, а затем сказали, что этим делом занимаются на Литейном и что супругам надо туда, а не к ним.

– Поедете туда завтра с утра. Спросите следователя Воронцова.

– Воронцова? Но ведь это же фамилия убитого коллекционера?

– Верно. Дело ведет его сын, – кивнул дежурный. – Николай Воронцов. Уверен, он будет счастлив получить от вас

ниточку в деле убийства его отца. Впрочем, если хотите, по-ищу вам номер его мобильного.

Разумеется, Мариша со Смайлом хотели. Им совсем не улыбалось провести тревожную ночь. Лучше уж все выяснить до конца прямо сейчас.

Телефон Воронцова нашелся. И Николай сразу же согласился приехать. И даже не в отделение, а прямо домой к свидетелям.

Следователь Воронцов оказался подвижным худощавым мужчиной лет тридцати семи – сорока. Не красавец, но глаза у него были умные и очень цепкие. А нос длинный и какой-то очень подвижный. Мариша еще подумала, что именно такой нос и должен быть у хорошей ищейки, но не успела озвучить свою мысль вслух.

Едва увидев серебряного петушка, Воронцов воскликнул:

– О боже! Что вы с ним сделали?

– Мы... Мы... это... того... Помыли его!

– Я и вижу, что помыли! А зачем?

– Как это зачем? – удивилась Мариша. – Потому что он был грязный!

– Вместе с грязью вы смыли все улики!

Воронцов был явно в отчаянии. И чувствуя отчасти свою вину, Мариша попыталась его утешить.

– Но зато я могу описать вам внешность грабителя.

– Зачем мне его внешность? Я и так прекрасно знаю, кто там работал!

И следователь понурил плечи, словно на них внезапно легла стопудовая тяжесть.

– Это был мой племянник, – произнес он упавшим голосом. – Сын моего родного брата.

И он достал из бумажника небольшую фотографию.

– Он?

Мариша взглянула и вернула фотографию обратно.

– Он!

– Это он продал вам петушка?

– Да. Он.

– Вот видите, – горько произнес Воронцов. – Дурное семья.

На фотографии продавший Марише погремушку молодой человек выглядел гораздо лучше, чем в жизни. Он был аккуратно причесан, одет в красивую, чистую и старательно наглаженную рубашку. Да и взгляд у него был совсем другой – прямой и открытый. И глаза ярко блестели, как и положено у здорового и полного сил молодого человека.

– Простите, пожалуйста! – воскликнула Мариша. – Я не знала, что погремушка ворованная!

– Понимаю. Наверное, Ваня наплел вам целую историю о рано умершей матери, о больной бабушке, об операции, о голодной маленькой сестренке, которую могут забрать в детский дом, если бабушка умрет, да?

– Сестренки не было. А все остальное в принципе верно.

– Он всегда врет одно и то же, – вздохнул Воронцов. – Не верьте ему, мать у него жива и вполне благополучна. И ба-

бушка тоже.

– Значит, ваш племянник уже не впервые крадет у своего деда?

– Только тех эпизодов, о которых сообщали мне, на моей памяти было не меньше трех. И я уверен, что отец замалчивал большую часть таких случаев. Не говоря уже о том, что он сам регулярно давал Ване деньги, которые тот и просаживал.

– Зачем? Зачем же было давать парню деньги?

Воронцов понурился еще больше. Чувствовалось, что ему необходимо выговориться. Со своими коллегами обсуждать это дело он не мог, слишком оно было для него личное. Друзья и родные тоже не подходили, они слишком хорошо знали преступника, и диалога бы с ними не получилось. Нужны были посторонние слушатели. И Мариша с мужем идеально подошли на эту нелегкую роль.

– Ваня употребляет наркотики, – наконец произнес он.

Мариша переглянулась со Смайлом и вздохнула:

– Мы так и поняли.

– Отец у Вани рано умер. И боюсь, что мать слишком избаловала моего племянника. Давала ему слишком много послаблений. Жалела его, ведь он, на ее взгляд, был бедным сироткой. Ну, вот парень и связался с дурной компанией. А эта коза... Вместо того чтобы сразу же сообщить нам с дедом, что у Ваньки проблемы с его дружками и наркотиками, начала замалчивать и выгораживать парня. Когда мы с дедом

спохватились, у парня были уже явные проблемы. Он таскал из дома вещи, воровал, и дело дошло даже до того, что Ванька угодил в милицию.

Когда Николаю Воронцову сообщили о том, что задержан некий Иван Воронцов по обвинению в краже, он не сразу поверил, что речь идет о его родном племяннике.

– Представляете, ехал и был уверен, что увижу чужого парнишку. Однофамильца, возможно очень дальнего родственника, но никак не нашего Ваню!

Впрочем, сначала Воронцов и не узнал племянника в том грязном и агрессивном пареньке, который сидел в «обезьяннике» вместе с другими задержанными – бомжами, проститутками, мелкими воришками и наркоманами.

– Мы ведь не сразу смекнули, что паренек твой племяш, – говорил Николаю дежурный. – Если бы парень сам не брякнул, что дядя у него следователем работает на Литейном, ни-почем бы не догадались.

И прежде чем Николай сумел найти подходящие слова для ответа, оперативник спросил у него с явным укором:

– Как же ты допустил, что парень на наркоту подсел, а?

Все слова у Николая окончательно пропали. Его племянник – наркоман? Сын его дорогого, рано ушедшего из жизни брата ворует у старушек кошельки? Это невероятно! Быть такого не может! Лучше смерть, чем такая правда!

Но оказалось, что может. И тот случай был всего лишь первой ласточкой. Конечно, Ваню в тот раз отпустили. Род-

ной дядя поручился, что возьмет парня на заметку, на поруки. Поклялся, что Ваню будут лечить и не дадут ему больше воровать.

Кому-то другому навстречу бы ни за что не пошли, но Николая знали давно. Сослуживцы его уважали за то, что не делал никому подлостей, никого не подсиживал и честно выполнял свою нелегкую работу. За такого дядю юного наркомана жалели, ему даже пытались помогать. И Ваня выходил сухим из воды еще много раз.

– Но наркотики племянник не бросал. Мы его лечили, клали в больницы, отправляли в реабилитационные центры и даже возили в монастыри. Мой отец – атеист и безбожник – сам лично ездил на поклон к святым иконам, чтобы те помогли исцелить Ваню.

Увы, никакие средства не помогали. После проведенного лечения Ваня на время утихал. Но едва ему в руки попадали деньги, как он топал по проторенной дорожке, по хорошо ему известному адресу. Николай Воронцов старался как мог, чтобы спасти своего племянника. Он постарался ликвидировать все точки сбыта наркотиков, которые имелись возле дома племянника и где он обычно отоваривался.

Но добился Николай лишь того, что его Ваню стали опасаться. Все барыги смекнули, что у Вани дядя – мент. И что это он прикрывает те точки, где отоваривается племянник. Но наркоман быстро нашел выход. Он стал ездить в другие районы. И брал наркотики уже не сам, а через подставных

лиц. Разумеется, это получалось дороже. И теперь у Вани на наркотики уходило еще больше денег.

– У деда он уже крал не один раз. Тот не мог не впустить внука в свой дом. А Ваня этим пользовался. И всегда уходил от своего деда с добычей.

Вот и в этот раз камеры зафиксировали присутствие Вани в квартире деда. Записали они также и тот момент, когда Ваня, воровато оглядываясь по сторонам, опускал в карман своих брюк серебряного петушка на палочке – детскую погремушку семьи Романовых.

– У отца почти вся его коллекция хранилась в специально оборудованном сейфе. Даже не в сейфе, а в хранилище. В коллекции отца были не только ювелирные изделия, но изделия из слоновой кости, драгоценных пород дерева и даже шитые золотом и драгоценными камнями ткани. И разумеется, книги! Отец увлекался историей дома Романовых. И в первую очередь его привлекали те вещи, которые принадлежали последним представителям царской династии.

– И этот петушок тоже?

– Им игрались все российские императоры, а также их отпрыски, начиная с Александра Второго.

– Потрясающе!

– Да. Я тоже так думаю. Петушок – редкая вещь. Мой отец очень трепетно относился к нему. Даже рассказывал, что с этой погремушкой связана какая-то легенда. Правда, так и не рассказал никому из нас, какая именно.

– Все старинные вещи имеют хотя бы одну легенду.

– Да. Но мой отец... Одним словом, неважно! Камеры зафиксировали, что погремушку украл Ваня. И поэтому мне невыносимо тяжело заниматься этим расследованием. Конечно, я понимал, что Ваня опасен для общества, что он вор и наркоман. Но я никогда и подумать не мог, что он дойдет до убийства! Да еще убийства родного деда!

Мариша даже вздрогнула от этих слов.

– А вы думаете, что вашего отца убил... Ваня?

– Тут не может быть другого варианта. Отец был очень осторожен. Он никогда не впустил бы в дом чужого или малознакомого человека. В тот день у него был только Ваня. Его визит и записали все камеры в доме.

– И они также записали убийство?

– Нет, – угрюмо ответил следователь. – В момент убийства камеры не работали.

Мариша насторожилась.

– Ни одна?

– Нет.

– Но это выглядит весьма странно.

– Поломки случаются во всякой аппаратуре.

– Но раз прямых доказательств вины Вани нет, то, возможно, ваш племянник и не убийца?

– Он был у отца. Он украл петушка. Он ушел. А мой отец мертв! Прослеживаете параллель?

– Прослеживаю, – кивнула Мариша. – Но мне ваш Ваня

не показался таким уж опасным. Он был жалок, он дрожал и трясся, но не слишком сильно. Во всяком случае, я хочу сказать, если бы он несколько часов или даже минут назад убил своего деда, которого, я уверена, он в глубине души любил и уважал, он бы не смог держаться так нахально. И торговаться с продавщицей за петушка тоже бы не стал.

И мгновение помолчав, Мариша кое-что сообразила и воскликнула:

– Не говоря уж о том, что больше у парня при себе ничего не было!

Воронцов устремил на нее цепкий взгляд.

– Ничего не было? – повторил он. – Что вы имеете в виду?

– У вашего отца украли не только петушка, верно?

– Да. Были похищены многие экспонаты его коллекции.

– А у Вани при себе был только петушок!

– Вы уверены?

– Ну конечно!

– Хм. Странно. Судя по описи похищенных вещей, они должны были поместиться в двух больших сумках.

– Нет, ничего такого у вашего племянника при себе не было.

– Наверное, оставил вещи где-нибудь на хранение. Например, в той же камере хранения на Московском вокзале.

Мариша вспомнила, что ломбард, куда она попала по недоразумению, как раз и располагался напротив вокзала, и опечалилась. Да, совершив ограбление, Ваня мог спрятать

тяжелые вещи, а взять с собой одного лишь маленького петушка.

– А ваш отец... – спросила она. – Он где жил?..

– На Лиговке, – охотно подтвердил ее подозрения Николай Воронцов и продолжил рассказывать: – В том доме, где жили его предки. И даже скажу больше, он жил в той самой квартире, в которой когда-то жила наша семья.

– Когда-то... Это при царе-батюшке?

– Да. У нашей семьи длинная история. Конечно, в советские времена мой отец предпочитал помалкивать о том, что его предки были из дворян. Но теперь это наконец перестало считаться зазорным. И после перестройки отец приложил немало сил, чтобы въехать в ту самую квартиру, которую когда-то занимал его дед.

– А чем занимались ваши предки?

– Ну, они были не из богачей. И дворянский титул получили не просто так, а за заслуги перед Отечеством. Например, мой прадед был врачом. Очень хорошим военным врачом. Ему и его потомкам пожаловали дворянство до седьмого колена. То есть семь поколений его потомков могли считаться дворянами. Понимаете?

Мариша понимающе кивнула. Конечно, теперь эти дворянские титулы и звания звучат просто смешно. Но в те времена это было важно. Дворянский титул автоматически вводил вас, как теперь бы сказали, в высший свет. Вы могли посещать светские мероприятия и развлечения. Могли выгод-

но жениться на богатой купеческой или мещанской дочери. И дворянство давало еще множество льгот и привилегий. Не говоря о том, что считаться дворянином было просто очень и очень почетно.

Дворяне – это была высшая каста, высшее сословие. Перед ними полагалось снимать шапку простому человеку. И конечно, получить дворянство не по праву рождения, а за свои собственные заслуги означало то, что вновь испеченный дворянин по своим моральным и душевным качествам выгодно отличается от представителей сословия, к которому принадлежал ранее.

Впрочем, не все могли получить дворянство. Например, крестьянину или рабочему стать дворянином никогда не светило. Но мещанин, купец или военный могли получить дворянский титул за свои заслуги и вклад в дела Отечества.

– Больших денег мои предки не имели. Всегда честно трудились. И после прихода к власти большевиков никуда из страны не уехали. Продолжали честно трудиться уже на благо новой власти. И никто ни разу не упрекнул моего деда в том, что когда-то он был дворянином.

– И его не сослали в Сибирь?

– Представьте себе, нет! И даже более того, советская власть также высоко оценила его работу. И после семнадцатого года дед получил еще не одну награду за свой труд, теперь уже от нового правительства.

И Николай замолчал. Видимо, понял, что слишком от-

влекся от основной темы.

– Так что дело с моим племянником решенное. Он – виновен. И я хотел всего лишь уточнить у вас некоторые детали, – произнес он. – Ваня был у деда около часу дня. А в каком часу с ним встретились вы?

– В два. Нет, даже чуть раньше. Двух еще не было.

– Без пятнадцати два?

– М-м-м... Пожалуй, да. Что-то около того. Но перед тем как я с ним встретилась, он уже долго осаждал приемщицу в ломбарде. Когда я пришла, тетка была уже сильно злая. Думаю, что ваш племянник торговался с ней из-за серебряного петушка довольно давно.

– Странно. Надо будет поговорить с этой особой.

– А что вам кажется странным?

– От дома моего отца до ломбарда, о котором вы говорите, чистой ходьбы не меньше двадцати минут. Я в свое время засекал. После того как Ваня украл петушка, он должен был сразу же бежать к ломбарду, чтобы быть там в то время, которое вы указали. Вы уверены, что не ошибаетесь?

– Нет, – покачала головой Мариша. – Я точно помню, что стрелка на часах на башне вокзала показывала без двадцати два, когда я подходила к ювелирному.

– И в этот момент Ваня был уже в ломбарде?

– Да. И он явно был там уже долго.

– М-м-м... Надо будет побеседовать с приемщицей, – повторил Николай задумчиво. – И заодно уточнить, точно ли

идут часы на башне Московского вокзала.

Мариша пожала плечами. Это было личное дело дяди преступника – проверять и перепроверять. Но лично сама Мариша могла бы поставить сто против одного, что парнишка не убивал своего деда. Да, Ваня выглядел изможденным и нуждающимся в медицинской помощи, но ничего особенного в его поведении не было. Он держался вполне уверенно. И совсем не был похож на человека, несколько минут назад жестоко расправившегося со своим старым дедом.

– А как убили вашего отца?

– Ударом по голове, – глухо произнес Николай. – Его сначала связали по рукам и ногам, а потом ударили тяжелым предметом в затылочную область черепа. И оставили сидеть связанным.

– То есть убийца подкрался сзади?

– Да.

– И вы считаете, что это был Ваня?

– Он был единственным посетителем моего отца, которого зафиксировали камеры внутреннего наблюдения в квартире.

– И больше никто к вашему отцу в тот день не приходил?

Николай замялся. Но в конце концов все же ответил:

– Кража серебряного петушка была последним, что записали камеры. Потом они почему-то отключились.

– Все?

– Отец поставил у себя в квартире три камеры. Одну рас-

положил непосредственно у входа в жилище. Еще одну поместил возле своего хранилища, чтобы просматривалась его дверь. И еще одну в своей спальне.

– А в спальне-то зачем? – удивилась Мариша.

Но Николай толком не смог ответить на этот ее вопрос.

– У отца были свои странности, – лишь сухо вато пояснил он. – Как и у всякого пожилого человека. Иногда ему казалось, что Саша до сих пор жив и скоро вернется к нам. Отца мучили галлюцинации. Думаю, поэтому он и поставил камеру у себя в спальне.

– Саша? Кто это такой?

– Александр – мой старший брат. Отец Вани. Он умер, я же вам рассказывал.

– Почему же в таком случае ваш отец считал, что его старший сын жив? – удивилась Мариша.

– Понимаете, Саша погиб при невыясненных обстоятельствах. Его тела так и не нашли. Но все указывало на то, что он мертв.

– Что указывало? Можно услышать об этом поподробнее?

Мариша заметила, что, когда она задала свой вопрос, Смайл взглянул на нее с упреком и вроде бы даже с неудовольствием. Мариша мимоходом удивилась, чего это с ним. Но долго раздумывать о причинах внезапно испортившегося настроения своего мужа у нее не было времени. Новая загадка уже будоражила ее кровь, заставляя ее быстрее бежать по жилам. А крошечные мозговые клетки уже начали штурм

очередной тайны.

Тем временем Николай Воронцов тяжело вздохнул и ответил:

– Мне тяжело вспоминать об этой истории. К тому же я не вижу никакой связи между тем, что случилось сейчас, и гибелью Саши. Это было очень давно. И совсем в другом месте.

– Как же? Но ведь вы подозреваете в совершенном преступлении своего племянника. Значит, мы должны все досконально выяснить про его отца.

Казалось, Николай удивился и хотел что-то возразить. Но в этот момент со своего места поднялся Смайл и, обращаясь к Марише, произнес:

– Дорогая, можно тебя на пару минут? Надеюсь, вы нас извините?

Последняя фраза была адресована уже Николаю. Тот кивнул. И Мариша, недоумевая, что могло понадобиться от нее мужу, пошла следом за Смайлом. Оказавшись наедине с женой, Смайл схватил ее за руку и жарко прошептал:

– Что происходит, Мариша?

– Происходит? Ничего не происходит. Мы отвечаем на вопросы следователя.

– Да? А мне показалось, что это ты учиняешь ему свой собственный допрос!

– Я?

– Да! Ты! Спрашиваешь его о членах его семьи! Об обсто-

ательствах преступления!

– Что же в этом странного? Так уж получилось, что я тоже оказалась в этом замешанной.

– Ты ничего не знаешь! И не должна соваться в это дело!

На какое-то мгновение Мариша онемела от возмущения.

А затем воскликнула:

– Да что ты такое говоришь? Ты сам понимаешь?! Как это не соваться?

Но Смайл лишь устало покачал головой:

– Мариша, ты себе не представляешь, как ты дорога мне! Я так сильно тебя люблю! Я просто не переживу, если с тобой или с нашим ребенком что-нибудь случится.

– Да что может случиться? Все будет в порядке!

Но Смайл снова покачал головой:

– Если ты впутаешься в очередное расследование, я не буду иметь ни единой минуты спокойной. Я и раньше очень боялся за тебя, но теперь вас двое, и я боюсь в десять раз больше!

Мариша хотела указать мужу на некоторые странности в его математических расчетах, но внезапно почувствовала, как на глаза у нее наворачиваются слезы. Какой у нее милый муж! Какой заботливый! И как он ее любит! А она просто бессовестно его изводит. Конечно, она должна оставить все прочие дела и сосредоточиться на самом важном для нее деле – на появлении на свет новой жизни.

– Дорогой мой, я ничего не буду расследовать в этот раз! –

горячо и искренне воскликнула Мариша.

Смайл моментально просиял:

– Обещаешь?

– Клянусь тебе! Твое спокойствие мне в тысячу раз дороже!

– Дорогая!

– Любимый!

Супруги бросились в объятия друг друга. А затем вернулись к Николаю и сухо проинформировали его, что больше сказать по поводу случившегося с его племянником ничего не могут. И просят оставить их в покое, потому что устали и нуждаются в отдыхе.

Глава 3

На следующее утро Мариша проснулась в квартире одна. У Смэйла, который работал летчиком МЧС, снова был рейс. Где-то, в какой-то терпящей стихийные бедствия стране с нетерпением ждали самолет с грузом гуманитарной помощи, медикаментов и чистой питьевой воды.

Впрочем, Смэйл пообещал Марише, что это будет совсем небольшой рейс. Такой короткий, что он даже не позволил жене провожать его в аэропорт.

– Всего на пару дней летим. Собственно говоря, туда и обратно. Ты даже не успеешь соскучиться и заметить мое отсутствие.

Но, допустим, отсутствие мужа Мариша заметила сразу же. В квартире не пахло аппетитной сдобой. И аромата кофе тоже не чувствовалось. Не говоря уже о более основательном запахе яичницы с колбаской и зеленым лучком, которой муж любил побаловать себя самого, пока Мариша наслаждалась своими теплыми булочками с кофе.

Сегодня кофе Марише пришлось варить себе самой. И с непривычки он у нее сначала убежал на плиту, потом пригорел, а той малости, что все-таки чудом уцелела в турке, было явно недостаточно для полноценного завтрака.

Так что Мариша решила ограничиться сладким чаем, с которым, к счастью, не возникло никаких проблем. Мариша бодро шлепнула в чашку пакетик, залила кипятком и села рядом наблюдать, как заваривается чай.

Мысли ее текли также неторопливо и безмятежно. Конечно, Смайл, без всяких сомнений, прав в своем нежелании, чтобы она даже близко подходила к этому делу с похищенным серебряным петушком. Да и петушка-то у нее уже больше нет. Они со Смайлом уже отдали его Николаю Воронцову, чтобы тот приобщиł драгоценную вещицу к уголовному делу своего племянника.

И все же Марише было как-то не по себе. Сегодня ей предстояло поехать к следователю и еще раз в деталях рассказать Воронцову о встрече с его племянником.

– Ох как не хочется. И что я ему буду рассказывать? Я и так уже ему все рассказала.

В душе Мариша немного лукавила. Ей было любопытно узнать, чем же закончилось расследование Николая. Пове-рил он в вину своего племянника окончательно? Поймали Ваню? Всего этого Мариша пока что не могла знать и поэто-му со вздохом проворчала:

– Но ничего не поделаешь, придется поехать. Уж такую малость для следствия я могу сделать!

Они еще вчера со Смайлом договорились, что Мариша съездит к Воронцову, ответит на все его вопросы, и все! Больше она в дело с ограбленным коллекционером соваться не будет.

– Слишком оно выглядит опасным. Даже со стороны.

И вот сейчас Мариша сняла трубку, чтобы по телефону подтвердить свою вчерашнюю договоренность.

– Николай пока нет, – сообщил ей суховатый мужской го-лос. – Позвоните чуть позже.

Мариша хмыкнула и пошла в душ. После душа она выпи-ла остывший чай, съела холодную и потому совершенно без-вкусную булочку и, совершенно недовольная жизнью (какой у нее, оказывается, отвратительный муж! Деспот! Сам умо-тал в очередную экспедицию, а ей черствой сдобой прихо-дится давиться! Да еще и к расследованию он ее не подпус-кает!), снова позвонила Воронцову.

– Он еще не приходил.

– Как же так? – удивилась Мариша. – У меня назначена с ним встреча на час дня. А сейчас уже без четверти час.

– Раз назначено, значит, придет. Воронцов никогда не опаздывает. Главное, вы сами не опаздывайте!

Снабженная этой ободряющей информацией, Мариша начала собираться. Больше звонить следователю она не стала. И в участок прибыла ровно в половине второго. Воронцова все еще не было. И более того, его никто не видел с самого утра. Хотя в десять было назначено совещание у начальника. И Воронцов и его тоже пропустил.

– Непонятно. Как же такое получилось? Вы же говорите, что он никогда не опаздывает.

– Николай у нас сама пунктуальность, – повторил сотрудник. – Не понимаю, что произошло.

– Возможно, надо ему позвонить и узнать?

Сотрудник так глянул на Маришу, что та моментально загнулась. Воронцову явно уже звонили, и не один раз. Время шло, и на душе у Мариши становилось все тревожнее и тревожнее. И она уже подумывала, чтобы уйти, как внезапно в комнату вбежала молоденькая девушка.

– Сережа, выйди на минутку! – воскликнула она, глянув на коллегу Воронцова, с которым беседовала Мариша. – У меня есть к тебе разговор!

– Говори тут, Наташа. Что за фокусы?

– Нет. Выйди.

– Да зачем мне выходить?

– Это насчет Воронцова!

В голосе девушки прозвучало такое отчаяние, что Сергей

быстро собрал свои дела, запер их в сейф и вышел в коридор. Спустя секунду Мариша последовала за ним. Но у дверей она остановилась и приникла к щели. Конечно, подслушивать нехорошо и даже прямо стыдно. Мариша и сама это прекрасно знала и понимала. Но она ничего не могла с собой поделать.

Любопытство Мариши было сильнее правил хорошего тона, прививаемых ей с детства, да так до конца, похоже, и не привитых.

– Ну, что у тебя за информация? – услышала она раздраженный голос Сергея – коллеги Воронцова. – Говори скорей! Не мямли.

– Сережа, ты, я знаю, дружен был с Колей. Поэтому я к тебе сразу и прибежала.

– Что случилось-то?

– Я скажу, обязательно скажу. Но ты, Сережа, только не очень нервничай.

– Что за ерунда? Говори нормально!

– Ты бы присел, Сереженька, – вдруг совсем жалостливо пропищала девушка. – Знаешь, новость нехорошая. Ты сядь! Вот тут на диванчик. Вот и умница, Сережа. Вот и молодец, что присел!

– Ты будешь говорить или нет? Или ты подурачиться ко мне пришла?

Чувствовалось, что мужчина закипает и готов сорваться. Девушка это тоже поняла и всхлипнула:

– Ой, какое там дурачиться, Сережа! Горе у нас!

– Да что за комедия, Наталья!

– Вот ты какой, Сережа! – обиделась девушка. – Я к тебе к первому прибежала. Сразу же, как узнала, так и прибежала. А ты ругаться на меня за это вздумал! А разве я виновата, что Коляка Воронцов умер?

Услышав это, Мариша чуть было не сползла на пол. Воронцов умер?! Как? Когда это случилось? Мариша остро пожалела, что не прислушалась к совету Наташи и тоже не присела. Впрочем, куда бы она тут у дверей села? Разве что прямо на пол!

Тем временем Сергей в коридоре отдышался после полученного известия и снова обрел дар речи.

– Откуда ты это взяла? – спросил он у сотрудницы, явно не веря ей.

– Так из сводки, Сережа. Сводка пришла сегодняшняя. А в ней черным по белому Колякино имя!

– Может, не он? Может быть, просто однофамилец?

– Я же не дура, Сереженька. Я сразу же ребятам, которые Колю нашли, звякнула. Это в Центральном округе. Знаешь, у них там Петька Пузан работает? Помнишь его? Он у нас раньше был, а потом перешел чего-то. Ну тот, что на Масленицу у нас сто двадцать блинов сожрал. С маслом и вареньем.

– Помню я Пузана. Он теперь в Центральном?

– Да. На Крылова сидит. Вот ему я и позвонила. Он же

с Колькой дружен был. Он сразу же тех ребят, которые Воронцова нашли, расспросил, все приметы сходятся! Конечно, надо будет родственников в морг на опознание послать, но похоже, что это наш Коля. И на совещании он сегодня не был. А ты можешь припомнить случай, чтобы Воронцов на совещание не явился?

Судя по продолжительному молчанию, Сергей такого припомнить не мог.

– Что же это получается? Кто его?

– Неизвестно. При себе у него никаких документов не было.

– А как же имя узнали?

– Из метки на одежде. Подкладка пальто была украшена нашивкой с его именем.

Странно, мелькнула у Мариши мысль, взрослый человек, а метит свою одежду, словно школьник или, того хуже, детсадовец, которого на лето отправили с другими детьми на отдых. Когда малыши уезжают на коллективный отдых, их матери, чтобы в лагере одежда одного ребенка не перепуталась с одеждой других детей, помечают вещи нашивками или просто пишут где-нибудь имя от руки. У маленькой Мариши на одежде тоже красовались метки с ее именем.

Но зачем такая метка на одежде взрослого человека?

Однако ни Сергей, ни Наташа этой странности значения не придали. Они были слишком поглощены обсуждением того, что им предстоит сделать дальше. Кому передать дела Ни-

колая? И кого послать в морг, чтобы там окончательно уточнить, он это или не он?

– Все-таки крохотный шанс, что это его однофамилец, все равно остается.

– Не знаю. Пузан обещал все разузнать. А вот, кстати, и он мне звонит!

Наташа, видимо, приложила трубку к уху и некоторое время издавала лишь отрывистые реплики:

– Да. Слушаю. Да. Да. Да. Нет. Спасибо тебе, Петя. Значит, ошибки быть не может? Все поняла, еще раз тебе спасибо. Да, наверное, это дело мы заберем к себе. Да, когда что-то будет ясно, я тебе перезвоню.

И сунув трубку обратно в карман, девушка сказала:

– Это точно Николая убили. Пузан его опознал. И сейчас просил, чтобы его уведомили о дне похорон.

Чувствуя, что людям в коридоре сейчас не до кого, Мариша совсем обнаглела и приоткрыла дверь еще пошире. Теперь она не только слышала, но и видела разговаривающих сотрудников. Сергей вытер вспотевший лоб и посмотрел на девушку:

– Чушь какая-то! Колька мертв! Ты спросила у Пузана, как это случилось?

– Он ничего не знает. И никто не знает. Петька сказал, что тело Воронцова нашли за мусорным баком. Судя по всему, Николай возвращался домой в потемках через проходные дворы и стал жертвой уличных грабителей.

– Но он же был обучен приемам самообороны. Мы вместе ходили на курсы!

– На Николая напали сзади. Вероятно, он не услышал шагов нападавшего. Его ударили по голове. Оглушили или сразу убили. На голове следы нескольких ударов. Какой из них был смертельным, покажет экспертиза.

Сергей вскочил на ноги.

– Надо что-то делать! – воскликнул он. – Кто будет расследовать это дело? Надо выяснить! Добьюсь, чтобы его поручили кому-то из наших ребят. Мы все любили Кольку! Лично я буду землю рыть, но узнаю, кто на него напал. Не успокоюсь, пока не засажу мерзавца за решетку навечно!

Мариша поспешно отпрянула от дверей. И очень вовремя. Потому что уже спустя секунду в кабинет влетел коллега убитого Воронцова. Лицо у него горело. Волосы были растрепаны. Глянув на Маришу диким взглядом, он воскликнул:

– Можете идти. Воронцова сегодня не будет.

– А... А что с ним?

– Пока не знаю. Идите, гражданочка, идите! Не занимайте место!

– Но меня пригласили для разговора!

– Если вы нам понадобится, мы вам позвоним!

– А кто будет заниматься моим делом? Не Воронцов?

– Да, вашим делом теперь будет заниматься другой следователь. Идите! Ну что же вы тут расселись как у себя дома!

Мариша даже не обиделась на такие проводы. Она прекрасно понимала, в каком состоянии сейчас находится этот мужчина. Судя по подслушанному Маришей разговору, Сергей был не только коллегой, но и другом Николая Воронцова.

И снова какая-то смутная тревога царапнула сердце Мариши.

– Послушайте, – произнесла она, обращаясь к мечущемуся по кабинету Сергею. – А что, если убийство Николая каким-то образом связано с ограблением его отца? А ведь я...

Договорить ей не удалось.

– Вы еще здесь?! – взвился Сергей. – И подслушивали?! Сказано же вам, уходите! Не мешайте органам работать!

И больше не слушая Мариши, он выдворил ее за дверь. На этот раз Мариша рассердилась. Уж выслушать ее он бы мог!

Но видимо, Сергей был слишком шокирован ужасной новостью, случившейся с его другом, чтобы обращать внимание на такие мелочи. А зря! Ведь нет ничего важнее вот таких мелочей. И кому так об этом не знать, как самому следователю? Похоже, Сергей не очень-то опытный следователь.

– Ох, не нравится мне все это, – вздохнула Мариша. – Если парень сразу же не уцепился за потенциальную свидетельницу, никакого проку из него не будет. И расследовать он ничего толком не сможет.

И снова ее царапнуло неприятное чувство. Похоже, придется ей все-таки вмешаться. Да, конечно, она поклялась Смайлу, что не будет вмешиваться, но ведь это было еще до

того, как она узнала о смерти Николая Воронцова. Они-то со Смайлом были уверены, что Николай сам займется поисками грабителя и убийцы своего отца. А теперь что? Теперь ситуация кардинальным образом изменилась. Николай сам убит.

И Мариша чувствовала, что оставаться в стороне, как они с мужем договаривались, она просто не сможет.

– Ты не должна! – испугалась Мариша, как только поняла, в каком направлении текут ее мысли. – У тебя есть другое занятие! Ты должна присмотреть и купить приданое своему ребенку!

Но вспомнив, что вышло из ерундовой покупки погремушечки, Мариша затосковала.

– Что же я за человек такой? И что это ко мне притягивает всякую шушеру? Ну что стоило этому Ване-горемыке пройти мимо меня?

Тот факт, что она сама полезла к парнишке с расспросами, Маришей старательно игнорировался. Равно как и то, что потом ее никто не заставлял подслушивать под дверями кабинета следователя. Будь она обычной законопослушной гражданкой, сидела бы на том стуле, куда ее вежливо посадили. И знать бы ничего не знала о случившемся с Николаем Воронцовым. Спокойно бы восприняла известие о том, что ее дело будет вести другой следователь. И совершенно не заморачивалась бы тем, куда же делся предыдущий следователь.

– И что со мной не так?!

И причитая таким образом, Мариша уже понимала, что не сможет спокойно уйти. Ей позарез необходимо выяснить, что же случилось с Николаем Воронцовым. Его убили, это она уже знает. Но конкретно, что произошло? Она должна это выяснить! Иначе ни сна, ни отдыха, ни просто покоя ей не будет во веки веков, аминь.

– Что там они говорили про переулочек Крылова?

Это отделение милиции Мариша знала превосходно. Когда-то у нее там работал знакомый мальчик. Числился он оперативником, но быстро разочаровался в разыскной работе и ушел в охрану, где было куда спокойнее и сытнее. Мариша в свою очередь разочаровалась в своем знакомом. Уж она-то никогда не выбрала бы для себя такой скучный путь.

Конечно, все это было страшно давно. Но все же о том отделении у Мариши сохранились теплые воспоминания.

Добравшись до переулка Крылова без всяких приключений, Мариша заглянула в дежурную часть и поинтересовалась:

– А где я могу найти Пузана?

– Это Петьку, что ли?

– Вот-вот! Его самого!

– А вы, девушка, его по какой надобности разыскиваете? – не скрывая своего любопытства, поинтересовался у нее дежурный.

– Я-то? По сугубо личной надобности, вам совершенно ненужной.

– Нет, я почему у вас спрашиваю, – слегка смутился дежурный, – Петька у нас товарищ несговорчивый. Характер у него какашечный.

– Какой?

– Плохой очень у него характер. Он из-за своего характера долго на одном месте не задерживается. Обычно принято полных людей считать добрыми, но Петька – не тот случай.

– Это вы к чему?

– А к тому, что Петя у нас сегодня в самом паршивом настроении с утра пребывает. Друга у него убили.

– Ой!

– И поэтому, если вы к нему с какими-нибудь пустяками пойдете, то он вас и послать куда подальше может в грубой форме. По причине стабильно вливаемой в себя с самого утра водки. За помин души дорогого друга.

– А что же делать? – растерялась Мариша.

– Мой вам совет, если не очень надо, то и не суйтесь к нему.

– Нет. Мне как раз очень надо.

– Ну тогда... Даже и не знаю, как вам быть. В принципе Петька любит плотно закусить. Хотя когда пьет, то не закусывает вовсе.

– Почему?

– Закуска градус крадет, – любезно просветил Маришу дежурный. – Но так как пьет Петя с самого утра и до сих пор еще ни разу не перекусил, возможно, пирожки или чебуреки

и снищут его расположение. Я понятно изъясняюсь?

– Более чем! – радостно воскликнула Мариша и пулей понеслась в сторону Апраксина переулка.

Накормить мужика – великое дело! Любой, даже самый лютый из них мигом добреет, когда к нему в желудок попадает что-то горячее и мясное. И Мариша знала, где раздобыть дорогие каждому настоящему мужчине чебуреки. И конечно, она не станет покупать их где-то в дорогом ресторане. Там готовят, возможно, и изысканно, но на вкус опера Пузана вряд ли подходяще.

Сразу за переулком располагалась всем хорошо известная Апрашка, или бывший Апраксин двор. Был он поменьше Гостиного двора, не такой богатый и знаменитый. В царское время тут останавливались со своим товаром купцы попроще, а также стояли грузовые фуры и грубые конюхи раздавали ломовым лошадям овес в тяжелой мешковине.

Нынче же ряды Апраксинского двора были отданы для мелкооптовой и розничной торговли самым разным товаром. Тут можно было по дешевке купить пару носочков из лайкры или даже столовый сервиз с немислимым количеством позолоты. Можно было приобрести маечку с забавным рисунком. И джинсы, ну почти что от «Гуччи».

Тут всю торговали китайцы, турки, корейцы, а также различные выходцы из стран СНГ. Пожалуй, последних было больше всего. Ну и еще китайцев. И хотя после многочисленных указов и реконструкции рынок приобрел более

или менее цивилизованный вид, все равно вечером тут находиться было страшно.

Да, уличная торговля была прекращена. Всех торговцев загнали в павильоны или заставили искать себе другое место для торговли. Но все равно Марише казалось, что многочисленные складские и прочие подсобные помещения просто идеальное место, если какому-нибудь не слишком честному гражданину захочется спрятаться от властей.

И между тем именно тут Марише удалось купить те самые пирожки и чебуреки, которые ей велел приобрести дежурный для Петьки Пузана.

– Тебе сколько? – блеснула на нее ярким желтым зубом смуглолицая киргизка. – Побольше или поменьше. Для себя берешь или для мужика своего?

– Для мужика.

– Ага! Сейчас положу!

Возможно, зуб у нее был даже и золотым. И Мариша с сомнением посмотрела на тетку. Были они примерно ровесницами. Но зубы у тетки были, похоже, почти все вставными.

– Что смотришь? – весело воскликнула женщина, заметив взгляд Мариши. – Нравится? Это мне муж зубы выбил.

– Какой негодяй!

– Да нет! – еще веселей отозвалась торговка. – Зубы все равно гнилые уже все были. А муж тем более потом мне новые вставил. Видишь, какие красивые! Ровно тридцать штук! По числу моих лет! И все из золота! Красота!

И женщина клацнула вставными зубами.

– Что? Завидно? Себе тоже такие хочешь?

– М-м-м... пожалуй, обойдусь пока что только чебуреками, – сказала Мариша. – Почему они у вас?

Чебуреки стоили дешево. Весело припевая, женщина проворно сложила ей десять штук истекающих жиром «ушек», а заодно положила и по два пирога с картошкой, печенью, ливером и луком с яйцом.

– Бери, не сомневайся. У меня вся выпечка хорошая, – заверила она Маришу. – Народу много идет, ничего вчерашнего не остается. Все свежее. Мама у печки их печет, а я тут продаю.

Постаравшись даже не думать, чем может болеть мать женщины, которая в свои неполные тридцать лет имела уже полный рот гнилых зубов, Мариша завернула пирожки и проворно потрусилась назад к отделению.

Петька Пузан нашелся на втором этаже, где он изливал свое горе какому-то молоденькому парнишке-стажеру. Перед Пузаном стояла почти пустая бутылка водки. И Мариша выругала себя за то, что не догадалась принести к чебурекам еще и водочки. Хотя, как знать, возможно, что и хорошо, что не принесла.

Пузан и так уже весьма нетвердо держался на стуле. Выпей он еще граммов триста, возможно, просто свалился бы под стол. А так он с интересом посмотрел на Маришу и принюхался. Уже подходя к нему, Мариша позаботилась приот-

крыть плотный пакет. И теперь аромат жареного мяса, жира, лука, чеснока и перца распространился по всему помещению.

– Чем это от вас, гражданка, так аппетитно пахнет? – поинтересовался у нее Пузан, уже не скрывая своего интереса. – Что это у вас в сумке?

– А вы меня обыщите! – лукаво улыбнулась Мариша.

От сердца у нее отлегло. Пузан явно уже сумел снять свой стресс с помощью излюбленного средства всех русских мужчин. И теперь он был готов жить дальше. Ну а для этого требовались силы. А где мужчине взять силы? Ясно, что для этого ему надо плотно поесть.

– У меня к вам есть разговор, – сказала Мариша, когда обрадованный стажер унесся прочь резвее лани. – Кстати, это вам.

И она выложила перед Пузаном чебуреки. И по тому, как загорелись глаза у мужчины, поняла, что с выбором угадала.

– Что это? Взятка?

– Что вы! Угощение!

– Точно мне?

– Вам.

Пузан не стал вдаваться в подробности. Вместо этого он принялся поглощать чебуреки с такой скоростью, что Мариша только диву давалась. Мужик открывал рот, складывал туда свернутый чебурек, делал несколько мощных жевательных движений, и чебурек с бульканьем проскальзывал

внутри, а Пузан открывал рот для новой порции.

Вместе с чебуреками он съел и пирожки с картошкой, а также пирожки с курдючным салом и ливером. Пирожки с печенью и жареным луком он доедал уже явно через силу, объясняя это тем, что с детского садика не любил печень.

Лицо у мужика разгладилось, морщины на лбу исчезли. А сам он залоснился и зарумянился почище слопанных им пирожков.

– Оказывается, я был голодный, – с искренним удивлением произнес он. – Ну, гражданочка, спасибо вам. Спасли меня от голодной смерти.

– Не за что. Но я к вам пришла вот по какому поводу...

И Мариша рассказала о своем знакомстве с Николаем Воронцовым.

– Значит, вон оно как. Не угомонился у Кольки племяш! – вздохнул Пузан, оказавшийся вполне симпатичным и ничуть не злым. – А я ведь ему говорил, что наркомана исправить – лишь одно средство имеется!

– И какое же?

– Сосновый гроб и белые гамаши! – зло рявкнул Пузан. – Уж сколько я на этих ребят у себя на работе насмотрелся, лишь один из тысячи способен за ум взяться. Да и тот редко когда берется. Если уж человек на иглу подсел, то тут фиг что исправишь. Один ему путь – на тот свет. И чем раньше, тем лучше. Меньше вреда остальным принесет.

– Но Николай не хотел сдаваться? Он любил своего пле-

мянника?

– Как же ему не любить Ваньку. Как-никак Ванька – это родной сын его брата. Да и мальчонкой Ванька очень славный был. Это уж потом он с наркотиками связался да по кривой дорожке пошел. А в детстве он Коле вместо сына был. Николай всегда в выходные к мальчишке мотался. Родной отец столько бы для парня не сделал. И в зоопарк Николай с ним, и в цирк, и в кино, и в музеи. И на лето всегда путевка у пацана в самый лучший пионерский лагерь была. И книжки, и учебники, и даже компьютер ему дядя Коля купил! У самого компьютер только на работе стоял, а парню купил!

– Ну, и наверное, дед тоже помогал? – предположила Мариша. – Дед ведь у Вани очень богатый человек был?

Но при упоминании убитого коллекционера лицо Пузана внезапно окаменело.

– Про это ничего вам не скажу, – произнес он. – Со стариком лично никогда не общался. Но сдается мне, что тот был еще той сволочью.

– Да? – удивилась Мариша. – А почему?

– Внуку он никогда не помогал. Да и сыну тоже. Всем, чего Колька в этой жизни добился, он обязан лишь самому себе. И квартиру он от государства получил. И на машину сам заработал. Пахал без сна и отдыха и заработал! А что отец у него цапки драгоценные собирает и даже вроде в этом деле авторитет немалый имеет, это я совсем недавно узнал. И не от Коли лично, а из телепередачи. Услышал знакомую

фамилию, и давай Кольку пытаться. Кто такой, спрашиваю, всемирно известный коллекционер Иван Алексеевич Воронцов? Родственник он тебе или кто? Ну а Колька меня и огорошил. Отец мой, говорит!

– Надо же. Но его ведь тоже убили.

– Знаю. Нехорошее дело получается. Ивана Алексеевича убили. Ванька в бега подался, неизвестно, где его теперь искать. Колька тоже убит.

– И коллекция пропала.

– Да. И еще ограбление висит, – согласился Пузан. – И все меньше чем за сутки случилось. Поневоле о семейном проклятии задумаешься.

– О чем?

– Легенда у этих Воронцовых есть, – неохотно сказал Пузан. – Если у них старший в роду мужчина погибает не своей смертью, то и все остальные тоже мрут.

– Как это?

– А так. Отец у Николая погиб?

– Погиб.

– Ну вот, а следом за ним и Николай на тот свет отправился.

– Значит, следующий на очереди Ваня? – дрогнувшим голосом спросила Мариша.

– Эээ... нет! – протянул Пузан. – А младший в роду как раз жив остается. Ну, типа, чтобы род продолжить.

– Чушь какая-то!

– Я в это тоже не больно-то верю, – признался Пузан. – А вот сноха Колькина очень все эти старинные приметы и легенды уважала. Суеверная баба!

– Сноха – это мать Вани?

– Она самая. Кстати, Колька ее всегда терпеть не мог. Считал, что она в смерти его брата виновата. И еще считал, что она Ваню неправильно воспитывает.

– А вы с ней знакомы?

– С Клавдией-то? Конечно знаком! Колька нас и познакомил. Одно время, лет десять тому назад, он носился с идеей поженить меня и Клавдию. Ну а потом утих. Ни она, ни я интереса к этому делу не проявили. Но телефончик Клавдии у меня имеется.

– Десятилетней давности?

– Зачем? Колька мне его совсем недавно дал. Ну, типа, мало ли кто там его племяша может застукать. Николай не всегда сам на связи бывал. А в таких делах время не терпит. Так чтобы у меня было кому еще позвонить.

– И вы Клавдии уже сообщили о... о Николае?

– Да вот пока что не собрался, – признался Пузан. – Весь день думаю, что надо Клавдии сказать, и никак не соберусь.

– Она будет переживать?

– Не думаю. Они с Колькой общего языка так и не нашли.

– Да? А почему?

– Клавка – дура. Она даже меня раздражала. Что уж там про Николая говорить с его дворянским воспитанием.

– Дворянским?

– Ну, это я так называл. Отец у Николая чудной был. Колька мне рассказывал, как он его чуть ли не с горшка французским и немецким пичкал. А англичанка сама к ним на дом приходила. И еще всякие там занятия по истории и культуре разных стран Европы. Да Кольке с его образованием прямой путь в искусствоведа был. А он не захотел! В сыщики подался. Отец ему этого так и не смог простить.

– Почему?

– Ну, по его мнению, ловить преступников – это дурной тон. Он только два пути одобрял – медицина или искусство. Он так об этом Кольке и говорил.

– Значит, между отцом и сыном особенно теплых отношений не было?

– Но и ссор тоже не было.

– Ясно.

Мариша видела, что Пузан вот-вот вырубится. Выпитая днем водка, плюс съеденная сытная и обильная пища делали свое дело. Мужика клонило в сон. Но прежде чем он заснет, Марише было необходимо выяснить у него адрес матери Вани.

Но стоило Марише намекнуть на это, как Пузан решительно запротестовал:

– Нет, нет! Я сам должен! Это мой долг!

– А давайте я вас до дома провожу?

– До дома? Это можно! – снизошел Пузан. – Мы дома еще

выпьем по граммулечке, и нам совсем хорошо станет!

Насчет «граммулечки» Мариша не протестовала, чем окончательно расположила к себе Пузана. Он даже несколько раз за время своей транспортировки вниз попытался объяснить ей в любви. Мариша его объяснения воспринимала благосклонно. И лишь зорко поглядывала, как бы Пузана никто у нее не перехватил.

Ей повезло. Она благополучно доставила Пузана до своей машины. Усадила в мягкий салон. Сунула в руки бутылку теплого пива, которая завалялась у нее в багажнике и к которой Пузан сразу же жадно присосался. Свой адрес он еще сумел ей назвать. И даже до лифта доковылял вполне бодро, правда, пританцовывая и качаясь.

Но в лифте он начал сползать по стеночке.

– Тише, тише! – уговаривала его Мариша. – Стой смирно! Сейчас мы уже дойдем!

Ключи от квартиры Пузана девушке пришлось искать самой. Впрочем, они нашлись уже во втором по счету кармане, который обыскала Мариша. В это время сам Пузан мирно дремал на резиновом коврикe у дверей. А когда Мариша справилась с замками, то сразу же поняла, что живет Пузан один. И никто не сможет помешать ей в том, что она планирует сделать.

Глава 4

Мариша спешила домой к несчастной Клаве изо всех сил. Время было уже довольно позднее, и Мариша опасалась, что мать Вани просто не захочет открыть ей дверь. Но пообщаться с матерью молодого преступника было необходимо просто позарез.

Ради этого, а также ради адреса Клавдии, Мариша даже доставила Пузана до его дивана. Верней, доволокла волоком до ковра на полу и оставила там, прикрыв теплым одеялом. Перед этим Мариша просмотрела телефонную книжку в трубке Пузана. Клавы там не было. Но зато была Воронцова К. И Мариша справедливо рассудила, что скорей всего это и есть Клавдия Воронцова – мать наркомана Вани.

Едва только взглянув на комбинацию цифр, Мариша быстро поняла, что номер это самый обычный питерский, стационарный. То есть в трубке у безмятежно посапывающего на полу Пузана был забит домашний телефон матери Вани. Прекрасно!

Поглядев на спящего мужчину в последний раз, Мариша невольно восхитилась им. Напился, наелся, а теперь спит, и все у него прекрасно! Завтра проснется с больной головой. И таким образом убийство близкого друга отойдет на задний план. Вот он – пример инстинкта самосохранения в чистом виде!

Оставив Петра спать, сама Мариша набрала номер Клавдии. И пользуясь тем, что женщине явно никто еще не сообщил о смерти Николая, сказала:

– Меня послал к вам Николай Воронцов. Дело в том, что ваш сын Иван украл у меня одну чрезвычайно дорогую вещь. Я не верю, что мальчик из хорошей семьи способен стать вором. Наверняка его толкнули к тому особые обстоятельства. Не хочу доводить дело до суда. Предпочитаю разобраться с вами лично и на месте.

И в ответ услышала:

– Денег у меня нет! Живу на пенсию.

– Но я...

– Приезжайте и сами увидите, в какой нищете мы живем!

– Но...

– Чем там Ванька промышляет, не мое дело. Хотите – сажайте пацана, хотите – не сажайте! Дело ваше!

– Но ваш сын попал в очень нехорошую историю! – наконец удалось и Марише вставить в диалог свою реплику.

– А у Ваньки других сроду не было! – тут же парировала Клавдия. – Прямо чума, а не парень! Думала, вырастет сыночек, начнет матери помогать. Содержать меня станет. Другие-то сыновья своих матерей разве что на руках не носят. Все для них делают. Каждую копейку в дом волочат. А мой? Тьфу, а не сын! Что он там еще натворил?

– Ваш Ваня обвиняется в убийстве.

– Что? Этого еще не хватало! Ну нет, в это-то я, дорогая

девушка, никогда не поверю! Ванька, может, и заблудший, но он и мухи не обидит. Разве что доколотся до чертиков, вот и натворил дел.

– Скажите, могу я приехать к вам?

– Зачем это?

– Значит, предпочитаете, чтобы я вызвала вас к себе по-весткой?

– Нет уж, к вам я совсем не хочу тащиться, – тут же отказалась Клавдия. – Лучше сами ко мне приезжайте.

– Вот и я тоже думаю, что так будет лучше. Куда ехать?

Клавдия продиктовала адрес. И Мариша не без удивления поняла, что этот дом находится опять же на Лиговке. Вот ведь странно, убитый коллекционер жил на Лиговском проспекте. Встреча с Ваней у Мариши произошла тоже на перекрестке Лиговского и Невского проспектов. Да еще и сам Ваня со своей матерью жил тоже на Лиговке. Просто какое-то невероятное скопление Воронцовых в одной определенной части города.

Впрочем, сразу же выяснилось, что Клавдия себя к клану Воронцовых не причисляет.

– Смирнова моя фамилия! А что? Вы что-то против имеете? А я вот своей фамилией горжусь и менять ее ни на какую не собираюсь! И батька мой Смирновым был. Всю жизнь у станка на заводе простоял. Герой труда! Образования семь классов было, а жизнь прожил всем другим на зависть! Уважением на заводе большим пользовался. А что некоторые

высокородные по этому поводу думают, меня совершенно не колышет!

Мариша поняла, что камень был брошен в адрес Ваниного деда и дяди. Видимо, родственники мужа допекли Клавдию своими разговорами. А Воронцовы любили поговорить на тему своих славных предков. Гордились своим происхождением и еще больше полученным образованием, чем чрезвычайно злили и нервировали самолюбивую Клаву.

– Пошли они на..! – подтвердила Клавдия догадку Мариши. – Говори, что там еще мой Ванька натворил. Говоришь, пришел кого-то?

– Да. Его подозревают в убийстве и ограблении дедушки.

– Кого? Какого еще дедушки? Думай, что говоришь! Мой отец помер давно! Да и воровать у него дома было нечего. Мебель как у всех. Холодильник. Телек цветной. Ну и все! Как говорится, от трудов праведных не наживешь палат каменных!

– Я говорю про другого Ваниного деда. Про Ивана Алексеевича Воронцова.

– Что? – разинула рот Клавдия. – Ванька его убил?

– Камеры зафиксировали его присутствие в квартире деда незадолго до того, как того нашли мертвым.

– И что? Ванька частенько к деду заходил. Да я его сама к этому поощряла. У старика денег навалом было. Мне-то он ничего не давал. Боялся, что на помаду да туфли спущу. А Ваньке частенько подарки подкидывал. Да не в коня корм!

Мне бы дал, целее бы были его денежки. А так Ванька через эти деньги к наркотикам и пристрастился.

– Неужели?

– А то! Дед Ваньке денег давал, а мне не говорил. Боялся, что я у сына их отниму. Дурак! Ну а Ванька этим и пользовался. Шел и тратил денежки на свою наркоту, мерзавец! А потом по улицам шатался, пока не отпустит. Боялся домой обдолбанный приходить. Я бы его живо вычислила! А эти его покрывали!

– Кто эти?

– Дед и Колька! Дядя Ванин! Это они виноваты, что мальчишка на героин подсел. Только их вина и ничья другая!

Ох, что-то не думалось Марише, что все было так просто. Никогда не следует винить других в том, чему виновник ты сам. Вот и Клавдия поторопилась обвинить родню мужа в том, что это они превратили ее сына в наркомана. Но ведь роль матери в воспитании тоже очень важна. Значит, и сама Клавдия где-то просмотрела, где-то закрыла глаза, а где-то просто отмахнулась.

Невозможно не заметить, когда с вашим близким человеком происходит что-то неладное. Но многие предпочитают делать вид, что все в порядке. Или вовсе занимают оборонительную позицию.

Вот и Клавдии было удобнее винить других. И так как Мариша явилась сюда не для нравоучений, ей была нужна от Клавдии конкретная информация, она промолчала.

– Но это еще не все, – сказала Мариша. – Убит также и еще один ваш родственник.

– Кто? – вскинулась Клавдия.

– Николай Воронцов.

Мариша ожидала какой угодно реакции вплоть до слез, но Клавдия только пренебрежительно отмахнулась:

– Ах, этот! Ну, туда ему и дорога.

– Да, дядя вашего сына. Он убит.

И думая, что до женщины просто туго доходит, добавила:

– Родной брат вашего покойного мужа.

Но Клавдия все поняла верно.

– А пошли они все! – вновь махнула она рукой, думая при этом о чем-то своем. – Достали, уроды!

– Что?

– А ниче! Нечего было меня моим образованием и происхождением всю жизнь тюкать. Дворянство они при царе получили. Подумаешь, дворяне! Ну и что, если у меня ни военных, ни врачей, ни даже учителей в роду никогда не было? Зато мои предки испокон веков землю пахали, хлеб сеяли да всю страну этим хлебом кормили. Тех же врачешек и кормили! И вообще, раз Сашка в свое время на мне женился, значит, годилась я для него. И какое их собачье дело, что мать у меня из деревни, а отец токарь? Не в образовании счастье! А они только и делали, что Сашке в оба уха дудели, что я ему не подхожу, что я ему не пара, что я и дура, и тупая, и в ПТУ училась.

– А вы учились?

– Ну, училась! И чего?

– Ничего, я так просто спросила.

– Да, училась на парикмахера-универсала. И мужскую стрижку могу сварганить, и женскую. «Химию» кручу, детей стригу. И даже собак!

– Даже собак? А это не сложно?

– Что ты! – усмехнулась Клавдия, на какой-то миг забыв о своих неприятностях. – С собачками еще и проще получается. Никаких капризов, как подстригу, они и рады-радехоньки. Не вопят, если я им там лишний клочок волос отхвачу. Как закончу, они прямо до небес прыгают. Сердце радуется на них глядеть.

Впервые с начала разговора в голосе Клавдии послышались теплые ноты. Пожалуй, она действительно любит своих четвероногих клиентов. Что же, одно это расположило Маришу в пользу Клавдии.

Но женщина перестала говорить о собаках и вновь стала неприятной.

– Вот такая я есть – простая парикмахерша. Никем другим не прикидываюсь. За учеными степенями никогда не гналась. Леня учиться было. А эти козлы Сашу против меня настраивали. Даже ребенка пришлось родить, чтобы рты им заткнуть. А то ведь реально могли Сашку от меня отвести! Послушался бы он отца с братом, да и свинтил к какой благородненькой и образованной. А так фигушки! Родила я па-

дана и мигом себе вечную любовь мужа обеспечила. Еще бы, неизвестно, как там дальше жизнь повернется. А тут всегда старший сын – наследник! Честно говоря, я думала, когда Сашка помер, что его дед на себя заботы о воспитании внука возьмет. Да этот выжига и не подумал этого сделать. Пока Сашка маленький был, дед вообще им не интересовался. Это уж когда Сашка постарше стал, тогда...

– А как погиб ваш муж?

– Да по-дурацки все получилось! Сначала его дядя помер. Похороны шикарные были. Как сейчас помню! А через несколько дней мы с Сашей к морю на отдых поехали. Там все и случилось.

– Что случилось?

– Утонул мой Саша в море. Сгинул.

– Сгинул? Утонул? А тело нашли?

– Унесло Сашку в море, засосало. Может, где у других берегов косточки его и выкинуло, а может, так на дне и лежит, рыбками обглоданный.

– Но его искали?

– Еще бы! Времена другие были, водолазы приехали. Да и ребята с аквалангами ныряли. Не нашли ничего. Только брюки с рубашкой и остались на берегу лежать. Их воры не взяли, побрезговали, видать.

– Воры?

– Ага. Все ценные вещи свистнули. Бумажник, часы дорогие – подарок отца, еще что-то.

– А как же воры украли эти вещи? Вы тоже с мужем в море купались? Вещи без присмотра на берегу лежали?

Клавдия вздохнула, подперла рукой щеку и, устремив взгляд в далекое прошлое, где она еще была любимой женой и счастливой молодой матерью, принялась рассказывать.

Решение поехать к морю было спонтанным и каким-то лихорадочным. Отпуск в том году муж Клавдии уже отгулял. Сама она занималась подготовкой их сына к школе. Мальчик должен был пойти той осенью в первый класс. И вдруг поездка к морю! Дикарем! В конце августа!

– Сначала я мужу так и сказала, что это он полную ерунду выдумал. Какое еще море, если и у него, и у меня отпуск уже закончился. Отгуляно уже все за этот год. Да и пацана надо в школу собирать. И потом, если мы, родители, на море укатим, то кто с пацаном первого сентября в школу пойдет?

Но обычно мягкий и покладистый муж Клавдии на этот раз проявил железный характер.

– Ваньку в школу отведут твоя мать и отец. Они отлично справятся. Отпуск возьмем за свой счет. Я хочу к морю. Мне все равно, едешь ты или нет. Если нет, покачу один!

Клавдия испугалась. Ей совсем не улыбалось, чтобы муж на море подцепил себе какую-нибудь кралю. Клавдия была ревнива и знала за собой это качество. Поэтому она сказала:

– Дело твое. Глупость задумал, но я твоя жена, поедем вместе.

Муж убежал очень довольный. И всего через два дня су-

пруги уже летели к морю. Муж расщедрился на авиаперелет, что очень удивило и даже несколько обеспокоило Клавдию. Муж, как и все в роду Воронцовых, был прижимист. И до того семья всегда путешествовала либо железной дорогой, либо на своей собственной машине.

Симпатичный зелененький «Москвич» был подарен семье отцом Саши. И на нем семья совершала множество летних путешествий. В советские времена бензин был дешев, дороги спокойны, а путешествие на собственной машине представлялось ни с чем не сравнимым удовольствием. Если в машине ехало трое или даже больше человек, то получалось вообще почти даром.

Но в тот злополучный раз муж Клавдии решил шикануть.

– Получил на работе премию, – шепотом поделился он с ней. – Отец о ней не знает, поэтому и не станет упрекать меня в расточительстве. А я хочу спустить деньги в твоём обществе.

Это желание напугало Клавдию. Она чувствовала за этим желанием какую-то неясную опасность, подстерегающую ее хорошо налаженный быт. Но муж ничего не желал слушать.

– У нас все хорошо! – лихорадочно твердил он ей. – Просто замечательно. А потом будет еще лучше! Поверь мне! Разве я когда-нибудь тебя обманывал?

И Клавдия поверила, потому что ей очень хотелось поверить. В Адлере, куда прилетели молодые супруги, было жарко. Август в том году выдался очень щедрый. Супруги

каждое утро на завтрак объедались виноградом, свежими лепешками и домашним сыром. На обед они ходили в ресторан, где официанты в туго застегнутых белых костюмах старались предугадать каждое их желание. А по вечерам гуляли по набережной, кушали жаренное на углях мясо и пили легкое освежающее вино.

Жизнь казалась Клавдии прекрасной как никогда. Раньше она ездила отдыхать со своими собственными родителями, когда была еще маленькой. Потом, в школьные годы, Клавдия ездила на уборку томатов вместе со своими одноклассниками. И было это под Одессой. Из всей поездки Клавдии больше всего запомнились длинные ряды томатных кустов, густо увешанные темно-розовыми, желтыми или светло-зелеными плодами.

Собирать полагалось по несколько ящиков в день. Девчонки собирали, мальчишки таскали готовые ящики к стоящему неподалеку грузовику. Жара, духота, в нос лезла удушливая пыль. От томатных листьев, разогретых на солнце, крепко пахло помидорами. Вокруг жужжали насекомые. А пот со школьников лил в три ручья. Да, в Одессе было очень жарко. И такой отдых Клавдии совсем не понравился.

Потом они всегда ездили отдыхать уже с ребенком или с компанией друзей, но всегда с детьми. Шум, гам, суета. Кто-то хочет писать, кто-то пить, а кто-то и то и другое одновременно.

Одним словом, Клавдия впервые за свою супружескую

жизнь выбралась с мужем на отдых только вдвоем, и она была совершенно счастлива. У них начался второй медовый месяц, который, увы, закончился так внезапно и трагически.

– В тот день мы пошли на наше излюбленное местечко. Была у нас неподалеку от домика, который мы снимали, облюбована одна маленькая бухточка. Тихо там было, ни души вокруг. Нам там нравилось. И мелко, и вода очень теплая.

Но уже подходя к бухточке, муж внезапно передумал.

– Ну ее! – отмахнулся он. – Скучно! Каждый день сюда ходим. Давай чего-нибудь новенькое себе подыщем?

С тех пор прошло много лет. Но Клавдия не переставала думать о том, как бы повернулась ее жизнь, если бы она тогда переспорила мужа.

– И ведь не хотелось мне никуда идти, – призналась она. – Видать, сердцем чуяла что-то неладное.

Но муж настаивал. И Клавдия покорно потопала за ним к обрывистому берегу.

– Очень живописно! – восхищался муж, но Клавдии так не казалось.

Бухта с мелким галечным пляжем привлекала ее гораздо больше. Сидеть на острых камнях было неудобно. Лечь и позагорать просто невозможно. Да еще и муж надумал повеселить Клавдию и нырять с большого камня.

– А вот я ласточкой! А вот солдатиком! А вот я так! А вот этак!

– Саша, – просила и почти умоляла мужа Клавдия, – уго-

монись. Не мальчик ведь уже. Что ты, право слово, дурачишься?

Но мужа ее упреки раззадорили еще больше.

– Ах, вон ты как! – воскликнул он, лукаво улыбаясь. – Не веришь, что твой муж – настоящий Тарзан?! Тогда смертельный номер! Прыжок с семиметровой высоты!

И муж начал карабкаться на высокий камень.

– Смотри! Я прыгаю!

Но Клавдия демонстративно отвернулась, не желая смотреть на дурака. Повернулась она лишь после того, как услышала шлепок о воду. Тогда она стала ждать, когда муж вынырнет. Время шло, а он не показывался. Сначала Клавдия решила, что муж таким образом мстит ей за невнимание к его прыжку. Он частенько пугал Клавдию, оставаясь под водой дольше обычного времени. А потом выныривал и от души хохотал над вытянувшимся лицом Клавдии, уже готовой заплакать.

Обычно Клавдия принималась считать. И на тридцати муж выглядывал. Увы, в этот раз муж не вынырнул ни на тридцати, ни на шестидесяти, ни даже на ста. Поняв, что случилось нечто ужасное, Клавдия заметалась по берегу, зовя на помощь. Прыгать в воду сама она не рискнула. Клавдия плавала очень плохо. И, вместо того чтобы спасти мужа, могла утонуть сама.

Но пока призывы Клавдии слышали, пока прибежали на помощь, пока деревенские ребята стали нырять, стараясь

найти Сашу, все было уже кончено. Муж утонул окончательно. И никто не скрывал от Клавдии этой горькой правды.

– Одним словом, как я вернулась домой, не помню. Наверное, на самолете, но перелета не помню. Свекр встретил меня в аэропорту. Он был в ярости. Что он мне наговорил, даже сейчас не хочу этого вспоминать. Как будто это я заставляла его сына прыгать со скалы!

– Ему было больно. Он ведь потерял сына.

– Ему – да! Ему было больно. А мне? Мне было еще хуже! Сашка содержал нас с ребенком. Не стало его, мне пришлось вдвое больше работать самой. Ванька в результате частенько оставался без присмотра. Вот и стал наркоманом. И кто в этом виноват? Конечно они – Воронцовы! Это их дурная кровь! В нашей семье таких ужасов отродясь не случилось!

– Что вы имеете в виду? – удивилась Мариша.

– А то! Проклятие у них в роду есть. Подробностей я не знаю, но всегда в роду разом две смерти по мужской линии случаются. Если отец умирает, то следом обязательно на тот свет уходит его старший сын.

– Обязательно старший?

– Да. А младший остается на земле. Он и продолжает род.

– А-а-а! Вот почему вы сказали, что не удивлены тем, что ваш свекр и Николай погибли почти одновременно. И вы вините в их смертях это проклятие?

– Да! Оно виновато! А мой Ванька никого не убивал. Деда он любил. А Кольку обожал. Если бы он кого и решил уко-

кошить, то уж точно не их!

– Но ваш сын употребляет наркотики.

– Ну и что? Он все равно хороший мальчик. Во всяком случае, он не убийца. Нету в нем этой жестокости. Никого он убить не мог. Да и зачем? Это все проклятие рода Воронцовых работает. Это его работа.

Интересно у нее получается! Но ведь само проклятие убить никого не может. Ему должны помочь конкретные руки. Если бы смерть Воронцовых наступила от несчастного случая или от болезни, тут еще можно говорить о проклятии. Особенно если болезнь наследственная и передается из поколения в поколение от отца к сыну.

Но ведь Николая и старика Воронцова убили! Обоим размозжили головы. И тут уж одним проклятием было убийств не объяснить. Оружие держали вполне конкретные руки. И Маришина задача заключалась в том, чтобы эти руки найти.

Поняв, что от Клавдии она ничего больше не узнает, Мариша выяснила точный адрес убитого старика и отправилась к нему.

Возможно, соседи погибшего коллекционера смогут рассказать Марише больше, нежели узнали от них оперативники.

Бредя к нужному ей дому и просматривая таблички с номерами, Мариша не переставала думать о Клавдии. Странная женщина, она явно недолюбливает членов семьи своего

мужа. Видимо, в свое время они попортили ей много крови. Но ведь ее сын общался и с дедом, и с дядей. Они были одной семьей, долгое время их связывали родственные узы. Дед и дядька заботились о сыне Клавдии, помогали ей самой.

Однако, узнав об их гибели, Клавдия не выразила никакого сожаления.

– Ей их совсем не жаль. И к тому же теперь ее сын и она становятся наследниками Николая и Ивана Алексеевича. Уж не в этом ли причина их убийства? Правда, в убийстве подозревают сына Клавдии. А убийцы не могут наследовать за своими жертвами. Но знает ли об этом сама Клавдия?

Мариша затруднялась с ответом на этот вопрос. Подозревать Клавдию в организации двойного убийства она не спешила. Но все же что-то странное в манере поведения Клавдии и в том, как она восприняла новость об убийстве своих родственников, определено было.

Найдя нужный ей дом, Мариша была приятно поражена его видом. Дома на Лиговском проспекте в своем большинстве представляли жалкое зрелище. Что поделаешь, район этот никогда не считался элитным. Тут селились рабочие и мелкие служащие предприятий. Богачи и знать предпочитали местечки почище и поприятнее – Невский, набережную Невы, а в крайнем случае застраивали речки поменьше – Фонтанку, Мойку и другие.

Например, Клавдия жила в настоящей развалюхе, с узкими стертыми лесенками и убого низкими потолками. Дом

стоял внутри двора, всеми своими, надо сказать, весьма немногочисленными окнами глядя во двор-колодец.

Но дом, в котором проживал Иван Алексеевич, был шестиэтажным, с красивыми карнизами и балкончиками. Отличный дом. Старик жил на четвертом этаже. И как вскоре узнала Мариша, до революции этот этаж целиком принадлежал семье Воронцовых.

– Говорят, это был подарок самого императора Воронцовым. А уж за что он так отличил их фамилию, этого я вам сказать не могу, не знаю. Вот покойный Иван Алексеевич знал, да только сам не любил говорить на эту тему. А я его и не спрашивала. Кто я ему такая, чтобы в душу лезть?

Говорила это маленькая проворная старушка, жившая на первом этаже в том же доме, что и Иван Алексеевич, и бывшая его другом, слушательницей, поварихой и домработницей. Сама старушка объясняла эти отношения просто:

– Дружили мы с Иваном Алексеевичем. Я – одна. Он – один. Не работаем. Оба на пенсии. Времени свободного у каждого из нас много. Я к нему почти каждый день приходила, еду готовила, убиралась, белье в стиралку закидывала. Работы немного, Иван Алексеевич очень аккуратно и ел, и пил, и жил. Иной раз посмотришь, а кушал ли он вообще? В мойке одна-единственная тарелка стоит, нож, вилка. Их сполоснуть – минуты не надо. Ну, еще одежду в порядок приводила. И его, и Коленькину. Он ведь холостой. Некому о мальчишке позаботиться. Вот я ему вместо матери и бы-

ла. А потом мы с Иваном Алексеевичем садились и вкусно так за жизнь беседовали. Оба люди с образованием, начитанные. Нам было о чем поговорить. Он много чего знал, бедный Иван Алексеевич. Всю жизнь историю искусств изучал. Такой человек... Такой! Таких больше уж нету!

И старушка, не скрывая своих слез, горько заплакала. Похоже, соседка любила погибшего коллекционера искренне и от всей души. И сейчас тяжело переживала его смерть.

– Как Николашенька все это переживет, даже и не знаю! – вздохнула она наконец, а Мариша открыла от изумления рот.

Она ничего не знает об убийстве Николая! Впрочем, чему тут удивляться? Конечно, не знает. Кто ей сказал? Даже в отделении, где работал Николай Воронцов, еще вряд ли осознали, что их товарища больше нет в живых.

– А у Николая с отцом были хорошие взаимоотношения?

– Конечно. Они обожали друг друга.

– Николай часто бывал у него?

– Каждую неделю! А то и чаще. А созванивались они ежедневно.

– Значит, они были близки? У отца не было от сына секретов?

– Полагаю, что нет. А к чему вы это спрашиваете?

Эх, если бы Мариша сама это знала! Но пока она знала только, что убиты два человека – отец и сын. И проклятие рода Воронцовых к этим убийствам имеет лишь самое отдаленное отношение. Но про проклятие они поговорят потом,

Мариша это точно решила. А сейчас надо прояснить более насущные вопросы.

– Скажите, в день убийства к Ивану Алексеевичу кто-нибудь приходил?

– Так Ваня и приходил!

– А кроме внука?

– Был еще один посетитель, только он попозже приходил.

– После Вани?

– Да. И Иван Алексеевич после его ухода был жив и здоров.

– Вы его видели? Этого последнего посетителя?

– Можно сказать, что и да.

– Как это?

– Я слышала его голос. И видела его торс. Я крикнула Ивану Алексеевичу, что поднимусь к нему, не против ли он? Но он мне не ответил. Сразу же захлопнул дверь, из чего я заключила, что он занят и соваться к нему не надо.

– Не очень-то вежливо, – заметила Мариша.

– Я сама виновата! – поспешила оправдать покойника старушка. – Сунулась к нему не вовремя. Тот человек Ивана Алексеевича чем-то сильно рассердил. И он еще не ушел, а тут я под горячую руку. Хорошо еще, что Иван Алексеевич просто дверь захлопнул и ничем меня не шугнул.

– Вы к нему очень снисходительны, – заметила Мариша. – Выходит, Иван Алексеевич был горячего нрава человек?

– На моей памяти он из себя ни разу не вышел. Разве что,

когда его старший сын погиб. Тогда он кричал. Не на меня, разумеется, на свою невестку. Это она мужа не уберегла, а потом еще денег приходила клянчить. Дескать, пенсия по утере кормильца очень маленькая. На растущего мальчика не хватает. Такая наглость!

– Наглость?

– Сама мужа не уберегла, а у деда взяла моду деньги клянчить! Вот Иван Алексеевич и осерчал на нее.

– Но вы же сказали, что в день своей смерти Иван Алексеевич снова был в гневе, – поспешно перевела разговор Мариша в другое русло.

– Да. Это во второй раз с ним случилось. В первый раз, когда сын у него погиб. И вот недавно во второй. Кричал, спорить не буду, громко кричал.

– А что кричал-то?

– Чтобы посетитель его вон убирался. Я даже испугалась, что случилось-то. Собственно говоря, потому и высунулась, что очень любопытно мне было, чем же таким Иван Алексеевич разгневался? Кто у него там?

– И кто был? – полюбопытствовала Мариша. – Какой-то знакомый?

– Не могу сказать. Лично я видела этого человека в первый раз.

– А описать его можете?

– Могу! – неожиданно быстро откликнулась старушка. – Лицо у этого мужчины такое неприятное было, что прямо

удивительно! Столько времени уже прошло, а он все перед глазами у меня стоит.

– А что не так было с его лицом?

– Ой, все не так! – замахала руками старушка. – Во-первых, сам из себя очень бледный. Во-вторых, нос крючком, а губы ярко-красные. Под глазами черные круги. И одет был не по-людски! В какой-то плащ с капюшоном! Черный! А подкладка белая! Кто такое сейчас носит? Да никто! Такая мода лет двести назад прошла. Да еще у нас на лестнице не очень светло. Я когда его увидела, прямо так и обмерла. Господи, думаю, что за страшилище по ступенькам топает? Не иначе как сам князь Влад Дракула к нам в гости пожаловал!

– Значит, вы этого гостя хорошо рассмотрели?

– Рассмотрела, но вот кто он такой, сказать не берусь. Отродясь к нам в дом такие гости не заглядывали.

– Но ваш сосед все же этого человека знал?

– Знал, – кивнула старушка. – Ведь Дракула этот из квартиры Ивана Алексеевича выходил. Значит, Иван Алексеевич его к себе впустил. А я вам так скажу: Иван Алексеевич очень осторожно жил. И никого посторонних никогда к себе не впускал.

С одной стороны, Маришу заинтересовал этот бледный Дракула. Судя по рассказу старушки, весьма колоритный тип. А с другой стороны, граф ушел, когда старик был еще жив. И, следовательно, тюкнуть его по затылку никак не мог. Разве что потом передумал, вернулся да и убил старика.

– Скажите, а больше никто в тот день не приходил?

– Нет. Ваня должен был прийти. Иван Алексеевич еще накануне вечером мне сказал, что утром ждет внука к себе. Но я Ваню, если честно, не видела.

– А потом что-нибудь из квартиры Ивана Алексеевича слышали?

– Нет. Ни звука. А потом у меня свои дела были. Я в поликлинику пошла. Там несколько часов провела. Домой пришла без сил. К Ивану Алексеевичу и не заглядывала больше.

Мариша поняла, что старушка была все же немного обижена на своего приятеля за невнимание и решила таким образом показать ему, что он был не прав. Но обиды обидами, а кто убил Ивана Алексеевича, было до сих пор не понятно.

Оставалось два варианта. Либо найти пропавшего внука коллекционера, либо того графа Дракулу в темном плаще, о котором рассказывала соседка Ивана Алексеевича. Но где искать обоих?

И Мариша попыталась еще кое-что разузнать у старушки.

– А граф Дракула выходил от Ивана Алексеевича с пустыми руками?

– Ну, возможно, что-то он под плащом и спрятал, но вся украденная коллекция, конечно, там бы не поместилась. У Ивана Алексеевича, знаете ли, в коллекции были весьма крупные вещи, картины.

– А вы в курсе того, что именно вынесли воры?

Сама Мариша по телевизионному репортажу имела пред-

ставление лишь о нескольких украденных вещах. Оказалось, что воры забрали куда больше. И к тому же брали не все подряд, а выбрали наиболее ценные экспонаты коллекции.

– Я почему знаю, потому что эти вещи мне Иван Алексеевич неоднократно показывал и рассказывал о них.

– А можете поименно их перечислить?

– Ну, во-первых, бронзовая статуэтка богини. Она была не совсем в духе коллекции Ивана Алексеевича, он больше увлекался серебряными изделиями, да к тому же и более позднего времени. Девятнадцатый век считался им эпохой расцвета предметов повседневного обихода, сделанных из серебра. А бронзовая статуэтка относилась к куда более ранним, еще языческим временам. Тем не менее ее художественная и историческая ценность была крайне велика.

– И как же эта статуэтка попала в коллекцию к Ивану Алексеевичу?

– Ах, не спрашивайте меня об этом. Иван Алексеевич своих источников не раскрывал.

Марише это сильно не понравилось. Всем известно, что таким вещам место в государственных музеях. Но Иван Алексеевич предпочитал владеть ценностями самолично. Что же, это его дело. Но все же следует предположить, что далеко не все экспонаты попадали к нему законным путем. Часть их явно имела криминальное происхождение.

– А что еще пропало?

– Пара картин кисти известных живописцев. Но я в живо-

писи совсем не разбираюсь. Знаю только, что это были пейзажи. Висели в кабинете у Ивана Алексеевича. Я их видела неоднократно. Но лично мне больше нравились изделия из фарфора.

– Они тоже пропали?

– Нет. Все на месте. Пропал серебряный набор для умывания, принадлежавший фамилии Романовых. Какая именно княжна им пользовалась, не скажу. Возможно даже, что и сама императрица.

– И много в наборе было предметов?

– Он занимал у Ивана Алексеевича всю поверхность стола. Перечислить их вам?

Заметив, как оживилась старушка, Мариша кивнула:

– Сделайте, пожалуйста, такое одолжение.

Старушка оживилась еще больше и начала:

– Во-первых, большое зеркало в массивной серебряной оправе. Оно стояло на красивых литых подставках в виде лап грифона. Перед зеркалом на поверхности стола в строгом порядке стояли разнообразные кувшинчики, тазики, плосечки. Между ними аккуратно лежали какие-то щетки, маленькие ручные зеркальца, пудреницы и прочие мелкие предметы. Все сделано из литого серебра с эмалью. Очень тонкая ручная работа.

– И воры весь этот набор унесли?

– Да.

Хм, Мариша мысленно уже подсчитывала стоимость про-

пажи. Ну, картины можно свернуть в трубочку. Статуэтка языческой богини была не очень велика. Но тяжелое серебряное зеркало незаметно под одеждой никак не спрячешь! Не говоря уж про кувшины для воды и прочие объемные принадлежности царского туалета. Даже если ты одет в широкий плащ, все равно кувшины и ковшики с ручками будут выступать из-под него.

И потом, живой и бодрый Иван Алексеевич вряд ли стал бы молча наблюдать за тем, как его гость обвешивается экспонатами его коллекции, а затем безропотно отпустил грабителя с миром. Нет, он бы поднял шум, сделал все возможное, чтобы помешать грабителю. Значит, граф Дракула не вор!

Но все же Мариша не видела другого выхода, кроме как попытаться разыскать этого типа. Вот только как это сделать? Где в современном мегаполисе искать гнездо вампиров?

Глава 5

Мариша вышла на улицу и жадно вдохнула свежий прохладный воздух. Уже отчетливо ощущалось наступление зимы. Повсюду на деревьях, кустах и тротуарах лежал снег. И воздух неприятно покалывал лицо тысячами ледяных иголок. Поэтому одного вдоха Марише оказалось более чем достаточно. Она быстро пробежала к своей машине, включила печку и принялась думать.

Время еще не очень позднее. Разговор с соседями убитого коллекционера не занял у нее много времени. Да, собственно говоря, и беседовать было не с кем. Никто, кроме любезной старушки с первого этажа, Марише своей двери не открыл.

Мариша еще успела осмотреть чердак и подвал. Вернее, она попыталась это сделать, просто так, на всякий случай. Но на дверях висели массивные замки, покрытые толстым слоем пыли. И становилось ясно, что к ним долгое время никто не прикасался. И следовательно, на чердаке и в подвале искать нечего. Грабитель не приносил и не прятал там украденные у коллекционера ценности.

Взглянув еще раз на часы, Мариша снова подумала, что она сегодня запросто может поехать еще куда-нибудь. Но вот только куда?

Рассеянный взгляд Мариши блуждал по улице. Как много людей! И куда они все так торопятся? Лица у всех озабоченные и серьезные. А у некоторых даже угрюмые. Впрочем, оно и понятно, когда метет противная колкая поземка, редко кого потянет улыбаться во весь рот.

Но внезапно Мариша вздрогнула и выпрямилась на сиденье. Все посторонние мысли вылетели у нее из головы. Да и какие тут мысли, если прямо на нее из темноты смотрело бледное лицо с ярко-красными губами, торчащими изо рта клыками и злобным воспаленным взглядом.

– Ой! – Мариша наконец пришла в себя.

Напугавшая ее рожа была не настоящей. Она была нари-

сована на афише. А афиша в свою очередь была наклеена на стене, возле которой Мариша припарковала свой «фордик».

– Страшное шоу, – прочитала Мариша надпись на афише. – Только у нас в дни зимних каникул! Незабываемый аттракцион. Лабиринт ужасов. Вас приветствует сам граф Дракула. Дракула!

Мариша едва могла дышать от охватившего ее волнения. Она все поняла! Догадка словно током пронзила ее от макушки до кончиков пяток. В гостях у Ивана Алексеевича действительно был граф Дракула собственной персоной. Это его видела старушка на лестничной площадке! Она не сумасшедшая, и ей ничего не померещилось! Вампир действительно был.

Вот только это был не настоящий кровопийца, а переодетый в вампира актер.

– На ловца и зверь бежит! – обрадовалась Мариша. – Надо же, как удачно! Поеду-ка я на это представление. Поспрашиваю. Авось что и разужнаю. Тем более что развлекательный центр тут совсем неподалеку.

И Мариша радостно нажала на педаль газа. Она даже не сомневалась, что движется по верному следу. Предчувствие подсказывало ей, что она не ошибается.

Когда Мариша приехала, последнее на сегодняшний день представление уже шло полным ходом. На отсутствие зрителей нельзя было пожаловаться. Вместо посещения музеев юные граждане Санкт-Петербурга предпочитали трястись от

страха в объятиях вампиров, утопленников и в окружении отрубленных голов. Впрочем, их родители не только не протестовали, но даже и оплачивали дополнительные аттракционы. Например, такой, как поход в лабиринт ужаса.

– Вампир? – переспросил у Мариши симпатичный молодой юноша, торгующий билетами на входе. – Кто именно вас интересует?

– У вас в представлении участвует не один вампир? Их много?

– У нас их трое! – с гордостью сообщил ей молодой человек. – И все они заняты работой по горло. Хотите взглянуть?

– Ну, если это не слишком опасно. Понимаете, в моем положении нельзя сильно пугаться.

Паренек скользнул по ней взглядом и вместо ответа сказал:

– Вход – пятьсот рублей.

– Так дорого?

– Детям – триста. Пойдете? Учтите, представление уже идет.

– Все равно пойду.

– Тогда платите. И поторопитесь, пока что я возьму с вас деньги за одного взрослого.

– Что?

– А ведь через несколько месяцев вам придется заплатить и за малыша? Получается, вы экономите, верно?

Мариша заплатила, недоумевая в душе, что же могут по-

казать за эти деньги такого необычного? Но оказалось, что деньги берут не зря. Несколько раз, пробираясь к входу в зрительный зал, Мариша действительно завизжала. Не от страха, от неожиданности.

Согласитесь, когда вы просто идете по коридору, пусть даже и темному и плохо освещенному, то меньше всего ожидаете, что настенный светильник внезапно выпадет из стены, а из образовавшегося отверстия высунется зверская рожа зомби с оскаленными зубами. И что окровавленные руки с лохмотьями протянутся прямо к вашему горлу!

Маришу так и откинуло к противоположной стене. Но лишь для того, чтобы сразу же угодить в объятия какой-то мерзко воняющей склизкой твари. Вырвавшись от нее, Мариша долго отплевывалась.

– Зря я сюда сунулась! – едва отдышавшись, прошептала Мариша самой себе. – Как бы ребенку эта экскурсия не нанесла вреда.

И приложив руку к животу, она прислушалась. Как он там, маленький? Все в порядке? Или пережитый матерью страх передался и ему тоже? Но ребенок вроде бы не протестовал. У него все было в полном порядке. И Мариша пошла дальше.

Да где же они, эти вампиры? Обещали сразу троих, а пока не видно ни одного!

Впрочем, оказалось, что Мариша ворчит напрасно. Достигнув конца коридора и отдернув тяжелую черную бархатную портьеру, она оказалась в небольшом зале, где сидели

зрители. А на сцене в это время вопили, топали ногами и рычали какие-то чудовища. Вампир в черном плаще там тоже был. Правда, пока что всего один.

Мариша осторожно присела на краешек стула, ожидая, что он либо развалится сейчас под ней, либо из сиденья выскочит зубастая челюсть и ухватит ее за мягкое место. Но все обошлось. Стул оказался самым обычным – прочным и удобным. Мариша устроилась на нем и погрузилась в представление.

До его окончания было не так уж много времени. И ей удалось насчитать всех трех вампиров. А в конце выступления они все втроем вышли на сцену и поклонились своим зрителям. Зрители хлопали. А Мариша и вовсе была в восторге! Сразу три подозреваемых! С кого же ей начать?

Впрочем, оказалось, что все трое вампиров занимают одну гримерную. Оно и правильно, всегда можно обменяться деталями реквизита, клыками, париками или плащами. Да и гримироваться очень удобно. Но оказалось, что сами вампиры придерживаются на этот счет совсем другого мнения.

– Мишка, мерзавец, куда дел мои кожаные штанишки? – подходя к гримерке, услышала Мариша писклявый женский голос.

– Отдай! – ответил ей другой капризный голосок. – Это мои!

– А ну, не лапать руками, паршивцы этакие! Штанцы мои! К тому же у меня сегодня уважительная причина, чтобы их

надеть.

– Да? И какая же? Свидание с твоим очередным молоко-сосом? Да что ты для них стараешься! Ни один из них даже близко не представляет себе, что такое модно одеваться!

– Замолчите вы оба! Штаны надеваю я. Я в них сегодня пришел, я в них и уйду!

Голос был капризный и очень высокий.

Что это? В примерке, помимо вампиров, есть еще и женщины? Мариша ненадолго притормозила, но затем все же открыла дверь. Ее глазам предстало необычное зрелище. Трое мужчин стояли в центре комнаты и тянули каждый на себя кожаные штаны ярко-алого цвета.

Все трое снизу были одинаково голыми. А вот сверху один из молодых людей был одет в розовую маечку. Волосатый торс второго едва прикрывала сетчатая футболка с живописными дырками. А третий был вовсе в одних лишь плавках. Причем на самом почетном месте спереди у него на них красовалась золотая звезда.

– А... а где же девушки? – невольно удивилась Мариша.

Комнатка была невелика, от силы два на три метра, и трое мужчин почти целиком занимали ее. Остальное пространство было забито театральным реквизитом. Места для девушек тут просто не было. Даже самой Марише было бы затруднительно втиснуться в комнатку. Что уж там говорить про трех девчонок.

– Какие девушки? – внезапно повернулся к ней тип в ро-

зовой маечке, и челюсть у Мариши окончательно упала вниз.

Глаза у молодого человека были тщательно подведены и подкрашены. На губах сверкал розовый блеск, а волосы были зачесаны аккуратно набок. Да еще и говорил он тем самым высоким и писклявым голосом, который слышала Мариша из коридора. И на нем были трусы-стринги... Стринги, украшенные стразами!

– О господи! – воскликнула Мариша, осознавая, куда попала. – Так вы...

Она едва не сказала «педики», но вовремя остановилась. Кто знает этих ребят, а вдруг они обидятся? А ей обязательно надо подружиться с ними.

– Так вы геи!

Теперь все трое с интересом смотрели на нее. Двое были молодыми, а вот третьему актеру уже перевалило за сорок. И хотя он сохранил хорошую фигуру, прямую осанку и зубы, но его лицо уже покрывали глубокие морщины.

Однако именно за ним осталась победа в борьбе за деталь туалета. Воспользовавшись замешательством своих двоих более молодых приятелей, он выхватил кожаные штаны, быстро напялил их на себя, застегнулся и, схватив сумку и куртку, выскочил вон.

– Вот клоун! – разозлился тип в розовой маечке. – Фокусник!

– И не говори, – согласился с ним второй. – Ненавижу его!

– Как думаешь, он снова будет со своим малышом встре-

чатся?

– Конечно, будет!

– Гад!

– Но добром это для Филимона не кончится. Чем старше он становится, тем моложе у него дружки. Вспомни сам! После тебя был Колька. А после меня был Владик. Обоим еще и двадцати не исполнилось.

– Скоро Фил вообще на несовершеннолетних переключится.

Парни обсуждали между собой личную жизнь своего третьего коллеги, ничуть не смущаясь присутствия Мариши. Они просто повернулись к ней спинами и натягивали на себя одежду. Наконец один из них обратил внимание на Маришу и спросил у нее:

– Чего вам? Автограф?

– Автограф? Нет, боюсь, что я не ваша поклонница.

– А чего тогда надо?

– Поговорить. Кто-нибудь из вас знаком с Иваном Алексеевичем Воронцовым?

– Иван Алексеевич? – переспросил первый, озабоченно качая головой. – Нет, не помню.

– А кто он такой? – полюбопытствовал второй.

– Коллекционер. Искусствовед. Пару дней назад его убили.

– Ох, ни фиги себе! – присвистнул тип в маечке, пока сетчатый, вжавшись в стену, восхищенно изучал Маришу.

Теперь от былой пренебрежительности парней не осталось и следа. Они окружили Маришу и принялись жадно ее расспрашивать.

– А вы из милиции, да?

– Ищете преступника?

– Маньяков ловите, да?

– А это страшно, когда на вас маньяк нападает?

Похоже, по своему умственному развитию эти ребята вряд ли далеко ушли от тех школьников, которых и развлекали своими представлениями. Возможно, в этом и была причина их успеха у детей. Они не только разговаривали с ними на понятном им языке, но еще и были, как бы это выразиться, на одной волне с ребяташками.

– Так что же вы к нам пришли? Думаете, кто-то из нас убил дядьку?

– В день убийства к нему приходил вампир.

Парни переглянулись и буквально захлебнулись восторгом.

– Стебно!

– Класс!

– Так это Филимон и был!

– Сто пудов, что он!

– Если убитый старик, то это точно Филимон к нему заходил!

– Филимон – это тот, который убежал? – уточнила Мариша. – В чужих штанах?

– Да!!! – хором ответили парни. – Он такой! Вечно хватает, что ему не принадлежит. И к вашему старику точно он ходил.

– Почему вы так в этом уверены?

– Так он и сам старикан! – важно отозвались ребята. – Ему уже за сорок.

– На пенсию пора.

– Того и гляди, песок посыплется.

На взгляд Мариши, человеку слегка за сорок о пенсии думать было еще рано. Но двадцатилетним мальчишкам с умом десятилеток их старший товарищ, конечно, казался древней развалиной.

– А брюки он не имел у нас никакого права забирать. Мы на них все втроем скидывались.

– И Филимон сам сказал, что мы будем носить их все по очереди.

– А теперь он их сам только и носит.

– А нам не дает!

Похоже, мальчишкам это казалось очень обидным. И Мариша решила сыграть на этом их чувстве.

– Какой же он негодяй, этот ваш друг!

– Он нам не друг! И что он нас в это шоу пристроил, еще ничего не значит.

– Мы и сами могли не хуже устроиться.

– А теперь Фил завел себе интрижку на стороне.

– А про нас совсем забыл!

Ребята окончательно расположились к Марише. И подхватив ее под руки, повлекли за собой, рассказывая о том, какой же негодяй руководитель их труппы. Как плохо он относится к своим бывшим любовникам. И как они обижены на него за такое невнимание к своим персонам.

Как без труда поняла Мариша, оба парнишки были любовниками Филимона. А когда тот переключился на кого-то третьего на стороне, парнишки дружно объединились против него.

– Только Филу на наши чувства наплевать.

– Ему вообще на всех людей наплевать.

– Его только он сам и интересуется.

– А к вашему старику он ходил.

– Почему? – попыталась прояснить Мариша, но вместо конкретных фактов снова услышала пустую болтовню.

– У Филя много таких старых дружков. Сам-то он больше молоденькими мальчишками интересуется. Но и со стариками общается – это факт!

И все-таки Маришина поездка не была совсем уж пустой. Пусть и не без труда, но ей все же удалось выяснить у этих двоих номер мобильного Филимона, а также его домашний адрес. Она могла радоваться, дело теперь было за малым. Поехать к Филимону и выяснить у него, зачем он ходил к Ивану Алексеевичу. Если все-таки это был действительно он.

Но на практике все оказалось совсем не так просто. Мариша раз за разом набирала номер Филимона, но мужчина

упорно не брал трубку. Мариша прямо извелась вся, но все было напрасно. Пришлось ей ехать домой. Но она была этому даже рада, потому что уже изрядно устала и проголодалась.

Несмотря на свое клятвенное обещание вернуться через два дня, муж задерживался. И самое главное, он даже не считал нужным позвонить ей. Мариша узнала эту новость, когда позвонила Смайлу сама. И теперь она была немного обижена на него за это. Но с другой стороны, если бы муж вернулся, как и обещал, вовремя, то он бы фиг разрешил Марише шататься по своим делам и заниматься расследованием.

– Все, что ни делается, все к лучшему.

Решив перекусить, Мариша заглянула в холодильник.

– Так, что тут у нас есть? Упс! Ничего нету!

Мариша обзревала полки холодильника и наконец пришла к выводу:

– Хм, это очень странно.

Марише казалось, что с утра в холодильнике оставался еще приличный кусок жареной свинины, вареная картошка и какие-то овощи для салата. Кажется, перчик, парочка помидоров и огурцы. Ну и майонез. А теперь ничего этого не было. Вот не было, и все!

Прикрыв дверь холодильника, Мариша задумалась. Да, и еще была банка соленых огурцов! Распахнув холодильник снова, девушка убедилась, что и огурцы пропали.

– Что за чертовщина?

Мариша тщательно исследовала мусорное ведро. Но в нем остатков трапезы не обнаружилось. Ни пустой банки из-под майонеза, ни опустевшей банки из-под соленых огурцов, ни обглоданных свиных ребрышек. Мариша вновь прикрыла дверцу и замерла в полной растерянности. Что происходит? В доме она находится одна. Ну, еще Дина. Но Дина не в счет. Как ни умна кошка, но открыть дверь холодильника ей не под силу. Да и свинину она не любит, не говоря уж про картошку и овощи.

– Выходит, я сама приготовила себе еду, погрела картошку, сделала салат, все съела, а потом вымыла посуду. А огурцы? Неужели я съела целую банку соленых огурцов?

Мариша отлично помнила эту трехлитровую банку, которую засолила для нее мама. Огурцы были не крупные, следовательно, в банку их влезло очень много. Они плотно лежали в банке слоями, переложенные листьями хрена, смородины и вишни. И Мариша давно облизывалась на них, но все время откладывала угощение. Она любила сначала мысленно «полакомиться» вкуснятинкой, а потом уже съесть ее по-настоящему.

– Ничего не поделаешь, значит, я и огурцы тоже съела!

Мариша прислушалась к своим ощущениям. Все-таки три литра огурцов – это вам не фунт изюма. Последний съешь и не заметишь. А вот поглощение такого количества соленых огурцов без последствий явно не обойдется. Но, к удивлению Мариши, в животе был полный порядок. И больше того, она

явно снова хотела есть.

В желудке раздавалось голодное бурчание и недовольный писк. Но это еще ладно. Куда больше Маришу смущало то, что она ровным счетом ничего не помнила из съеденной ею трапезы. Как же так? Допустим, она съела еду. Но посуда? Банки? Неужели она их вымыла? И еще вытерла насухо и поставила куда-то в шкафы на полки? Такая хозяйственность донельзя испугала Маришу, потому что была ей абсолютно чужда.

Но в это время желудок издал новый отчаянный писк. И Марише ничего другого не оставалось, как снова одеться и топтать вниз в магазин. Много она закупать не стала. Все врачи в один голос твердили, что больше пяти килограммов в ее положении поднимать нельзя. Поэтому Мариша взяла бутылку минеральной воды, пакет молока, сливочное масло, растительное масло, колбаски, сыра, творожки. Ну, конечно, хлеб, овощи и фрукты. И к своему удивлению обнаружила, что сумка прилично оттягивает ей руку.

– Ну и ну, – вздохнула Мариша, разложив покупки дома. – А чего я купила-то? Даже яиц не купила. А так яичницы хочется!

Но по зрелом размышлении Мариша все же решила обойтись без яичницы. Снова идти в магазин не было никаких сил. Она начала разворачивать купленные ею молочные сосиски, но внезапно передумала. Не хочет она сосисок. Даже с зеленым горошком она их не хочет. Организм требует яич-

ницу. А раз так, она должна его прихоть выполнить.

На этот раз Мариша вернулась налегке. Она купила только десяток яиц и кетчуп. Ну и еще сладкого – парочку ромовых баб, буквально истекающих сиропом, шоколадный торт и пакетик жевательного мармелада. Его очень удобно бросить в машине и время от времени закидывать в рот пару «мишек», чтобы было что пожевать, но в то же время и калории не набегали.

Вернувшись в кухню, Мариша в полном недоумении уставилась на стол. Она точно помнила, что оставляла тут сосиски. Начала снимать с них тонкую оболочку и вдруг отчаянно захотела яичницы. Но сосиски она оставляла на столе. Это точно. Две из них лежали в ковшике с холодной водой. А остальные были сложены аккуратной кучкой на столе. Но теперь их тут не было!

– Дина! – строгим голосом произнесла Мариша. – Дина, пойди ко мне!

– Мяу!

Голос раздавался где-то близко. Наклонившись, Мариша увидела свою кошку, с укоризненным видом сидящую перед пустой миской. Вид у Дины был несчастный. Кошка была явно голодна. Но на всякий случай Мариша спросила:

– Дина, это ведь не ты съела мои сосиски?

– Мяу! – отозвалась Дина и отвернулась в сторону.

И что это значит? Мариша пощупала бока кошки. Никаких намеков на съеденные полкило сосисок! Куда же они де-

лись? Все так же недоумевая, Мариша насыпала Дине сухого корма, за который кошка принялась с такой энергией, что совершенно развеяла все Маришины подозрения.

Затем девушка поджарила себе наконец яичницу. И не спуская с нее глаз, – раз уж еда повадилась пропадать сама собой, нельзя хлопать ушами, – второпях перекусила.

После еды Мариша залила сковородку водой. Сразу драить ни в коем случае нельзя! Вдруг присохшая пища оторвет и молекулу драгоценного тефлона. Каким образом у нее еда во время жарки умудряется прилипнуть даже к антипригарному покрытию, Мариша так и не понимала до сих пор.

Но факт оставался фактом, после Маришиной стряпни посуды оставалось в два, а то и в три раза больше, чем после того, как на кухне бывал Смайл. И это тоже смущало Маришу. Каким образом ей удалось поджарить себе утром картошки, разогреть мяса и ничего при этом не разбить, не испортить, да еще и отмыть посуду до блеска, а?

– Похоже, беременность сделала меня другим человеком, – решила Мариша и чрезвычайно этим возгордилась.

Вот только ей было очень жаль, что никаких подробностей из жизни этого другого человека, она, Мариша настоящая, совершенно не помнила.

– Знаешь, одно из двух, либо я схожу с ума, либо у нас в доме завелся «барабашка», – сказала девушка, обращаясь к Дине.

Но кошка лишь фыркнула в ответ и прикрыла глаза. Она

уже наелась и теперь грела живот на батарее центрального отопления. Это местечко в холодные зимние дни Дина предпочитала всем другим.

А Мариша пошла в комнату и сделала еще одну попытку дозвониться до Филимона.

– Здравствуйте, мне необходимо поговорить с вами об Алексее Ивановиче! – выпалила она, обрадовавшись, что трубку наконец сняли.

Некоторое время в трубке шуршало и скрежетало. А затем мужской голос произнес:

– Не понимаю, о ком вы говорите!

– Как же? Ваш знакомый, он проживает неподалеку от вашей работы на Лиговском проспекте. Вы у него были совсем недавно!

– Вы ошибаетесь!

– Вовсе нет!

– Среди моих друзей нет человека с таким именем!

– А среди знакомых?

– Уверяю, вы ошиблись.

– Он – коллекционер! – произнесла Мариша тоскливо. –

И его убили!

На какое-то время в трубке снова замолчали. А потом Филимон изменившимся голосом прохрипел:

– Кого убили?

– Ивана Алексеевича.

– Кто?

Вот дурацкий вопрос! Стала бы она ему звонить, кабы знала ответ!

– Убийцу мы ищем. И очень надеемся на вашу помощь.

– Я ничего не знаю! – спохватился Филимон. – Вы меня с кем-то спутали! Отстаньте!

Он отключил телефон. И сколько Мариша ни пыталась дозвониться до него вновь, ничего не получалось. Сначала трубку не брали. Потом было занято. Потом снова не брали, а затем и вовсе отключили.

– Ах, ты так! – разозлилась Мариша. – Ну, погоди у меня!

Она побежала в спальню и принялась рыться в тумбочке Смайла. Муж обожал менять тарифы и операторов, поэтому у него накопилось не меньше десяти симок самых разных операторов связи. Схватив одну из них, Мариша торопливо засунула ее в свой телефон. Сейчас она позвонит Филимону с другого номера и уж найдет, что ему сказать.

Это ей удалось примерно через четверть часа. Филимон снова снял трубку, и Мариша пропищала:

– Фил, это я! Ты меня забыл?

– Кто это?

– Костик.

Мариша назвала первое пришедшее ей в голову имя. Надо надеяться, что в окружении Филимона найдется хотя бы несколько Костиков. И она не ошиблась.

– Костик! – явно обрадовался Филимон. – Сто лет, сто зим! Как ты, дружочек?

– Хорошо, – пропищала Мариша. – Скучаю только.

– Скучаешь? По мне? Милый! Любимый! Дорогой! Единственный! Когда ты вернулся?

– Вчера.

– И только сегодня звонишь мне? – укорил Филимон. –

Немедленно приезжай!

– А не поздно?

– Что ты! Для тебя я в любое время свободен!

– Фил, как это приятно слышать, – пропищала Мариша.

– Жду тебя, Пуся!

– Еду! Только... Ты живешь все там же?

– За тот месяц, что мы не виделись, я никуда не переехал, – усмехнулся Фил.

– Уже лечу!

– Постой! – остановил ее Фил. – Знаешь что? Пожалуй, купи нам «барашков». Купишь?

– Ба?..

Мариша вовремя прикусила язык. Чуть себя не выдала! Наверняка настоящий Костик отлично знает, о каких барашках идет речь. А если она сейчас начнет спрашивать, что за барашки, да где их купить, да сколько взвесить, то Филимон обязательно насторожится. Да что там насторожится! Он просто не захочет с ней иметь дела!

– Конечно, все куплю, – ласково пропищала Мариша, изо всех сил напрягая голосовые связки. – Не беспокойся, дорогой.

– Тогда жду.

Мариша бросила трубку и побежала собираться. Мимоходом она бросила взгляд на часы и испугалась. Как поздно! И пока она еще доедет до Филя! Тут и без «барашков» заму-чаешься. Путь по городу может отнять целую вечность. Никогда не знаешь, где тебя встретят препятствия. Теперь и в ночное время на дорогах откуда-то образуются пробки.

Однако, уже выходя из дома, Мариша задержалась. Она кинула задумчивый взгляд на холодильник, а затем снова вернулась на кухню. Тут она сняла с полки красивую декоративную банку с пшеном и рассыпала крупу по полу возле холодильника. Потом она аккуратно разровняла крупу и отступила назад, оценивая дело своих рук.

Дина наблюдала за ее действиями с удивлением, но не вмешивалась.

– Вот так, – сказала Мариша, обращаясь к кошке. – Если у нас завелся воришка, то он обязательно оставит на крупе следы своих ног. И таким образом мы вычислим его личность.

Этот способ Мариша вычитала где-то в книжке. Правда, там использовалась мука. Но Мариша просто не знала, где у нее спрятана мука. А вот пшено было постоянно перед глазами.

Так что теперь Мариша могла быть относительно спокойна за запасы в ее холодильнике. И не так даже жалко денег, заплаченных за продукты. Главное, ей нельзя переутомлять-

Глава 6

Дом, в котором жил Филимон, находился далеко, в Купчино. Ничем не примечательный дом, облицованный когда-то белыми панелями, которые уже успели стать серыми и покрыться рваным узором от толстых полос замазки.

Филимон жил на последнем, девятом этаже, если верить расположенной над подъездом табличке с указанием нумерации квартир в подъезде. Мариша долго жала на кнопку домофона, пока ей не открыл дверь какой-то пузатый дядечка, выведивший на прогулку такого же пузатого и одышливого бульдога.

– Иди, иди, медалист! – подгонял бульдога мужчина. – Нечего было столько лопать на ночь.

Лифт в доме, к счастью, работал, и Мариша без лишних проблем поднялась на последний этаж.

Но на этом ее везение и закончилось. Дверь в квартиру Филимона была закрыта. И открывать ей никто не торопился.

– Да что же это такое?! – возмутилась Мариша.

Возмущение ее было тем более глубоким и искренним, что она не поленилась залепить «глазок» на двери Филимона комочком мягкой жвачки. Специально на тот случай, если Филимону приспичит взглянуть, а кто это к нему там за-

явился. Костик или кто другой? Но Фил такого любопытства не проявил. Просто не отзывался, и все тут.

– Безобразие!

И Мариша злобно пнула ногой дверь.

– Эй! – послушалось за ее спиной. – А дверь-то в чем виновата?

Обернувшись, Мариша увидела смазливенького паренька с целой кучей пакетов в руках. Похоже, паренек явился из круглосуточного магазина, работавшего неподалеку.

– Ну, не открывают вам, зачем же дверь пинать? – продолжал паренек, миролюбиво улыбаясь. – Вы, наверное, из жилконторы?

– Я? М-м-м...

Ходят ли работники жилконторы по квартирам после одиннадцати вечера? Судя по вопросу, смазливый паренек полагал, что ходят.

– Да, – не стала спорить с ним Мариша. – Я к вашему соседу пришла.

– По поводу оплаты долга?

– Ну... Да.

– Но Фил же вам уже сто раз объяснял, этот долг остался на квартире от прежнего ее хозяина. Фил к нему никакого отношения не имеет.

– А нам что делать? – воинственно произнесла Мариша, потихоньку вживаясь в навязанную ей роль. – Нам-то какое дело? Нам деньги нужны! Дворникам из чего-то платить на-

до? Надо! Сантехники зарплату получать должны? Должны! Профилактический ремонт оплачивать надо? Надо! А ваш сосед не платит!

– Он платит. То есть за себя Фил платит. И потом, вам Фил уже не раз говорил, обращайтесь к прежним хозяевам квартиры.

– Так где же их разыскать?!

– Ну, наверное, у Филадельфия есть их адрес.

И говоря это, паренек легко отодвинул Маришу от дверей. Затем достал блестящий длинный ключ, который и вставил в замок.

– В общем, вы не кричите и не ругайтесь, – посоветовал он Марише. – У Филадельфия чрезвычайно тонкая нервная организация. Он не выносит скандалов. Решим дело мирным путем. Кстати, это и для вас будет полезнее!

Мариша с изумлением следила за манипуляциями паренька. Выходит, это дружок Филадельфия? Ну, раз они живут в одной квартире и у парня есть от нее ключ, значит, это так и есть. А кто же тогда такой Костик? И куда его звал Фил?

– Простите, – остановила паренька Мариша, когда тот уже хотел войти в открытую дверь квартиры. – А как вас зовут? Случайно не Костик?

– Нет. Меня Лешей зовут. Никакого Костика тут нет! И почему вообще вы решили, что я Костик?

– Ничего, не обращайтесь на меня внимания. У меня бывает.

Парнишка пожал плечами и первым вошел в квартиру.

– Фил! – необычайно зычным для своей тщедушной комплекции голосом позвал он. – Фил, отзовись! У нас гости!

У нас! Значит, они точно живут в одной квартире! Черт подери, как же Фил собирался принимать своего Костика? Или Костик – это их общий приятель? Но судя по всему, нет. Ведь Филимон не сказал Алексею о том, что ожидает в гости Костика.

– Фил! – продолжал звать Алексей. – Филька, ты чего? В прятки играть вздумал? Я же знаю, что ты дома!

Но Филимон не подавал голоса. Это молчание нравилось Марише все меньше и меньше. Было в нем что-то угрожающее и пугающее. Но Леша ничего такого не замечал. Он перемещался из одной комнаты в другую и звал Филимона. Мариша следовала за ним по пятам и таким образом узнала, что в квартире целых три комнаты. Но две из них почему-то стоят почти совершенно пустые. И лишь в одной наблюдается подобие жизни в виде широкого двуспального надувного матраса со сбившимся в один бесформенный ком бельем на нем. И еще в комнате имелись два стула возле окна.

Зато кухня приятно поразила Маришу. Она была полностью обставлена. И половину агрегатов и аппаратов, которые находились тут, Мариша явно видела впервые. Поэтому она задержалась здесь, решив все хорошенько проверить и осмотреть.

Вот интересно, а что это за штукавина? По виду похожа на

аппарат для приготовления кофе, но почему он такой огромный? Сколько же кофе он может приготовить одновременно? На целую роту?

– Странно, – произнес Леша, возвращаясь обратно на кухню. – Обыскал всю квартиру, Филимона нигде нет.

– Может быть, он ушел?

– Ну, ясно, что ушел. Раз его нет, значит, ушел. Но зачем?

– В магазин?

– В магазин он как раз меня послал. Специально сказал, что вместе со мной не пойдет, потому что плохо себя чувствует, похоже, простудился. И на улицу идти не может.

– Похоже, он вас обманул.

– Сам вижу, – огрызнулся Леша. – Не слепой.

– А вы ему позвоните, – предложила Мариша, ничуть не обидевшись.

Еще неизвестно, как бы она себя повела, оказавшись в такой дурацкой ситуации. Наверное, тоже разозлилась бы до чертиков.

– Позвоню, – согласился Леша. – Может, случилось чего?

– Вот именно. Надо позвонить и все выяснить.

Лешка долго держал у уха трубку. И наконец произнес:

– Ничего не понимаю. Не берет!

Теперь в его голосе уже явственно слышалась тревога, а еще ревность и страх.

– Куда же это он намылился? – забормотал Леша, бегая туда и сюда. – Меня в магазин сплавил, а сам? Куда сам-то

пошел?

К этому времени парнишка уже окончательно взбесился от ревности и метался по квартире с самым несчастным видом. В сложившейся ситуации Мариша сочла лишним говорить ему о предполагаемом визите Костика. Наверное, Филимон вышел, чтобы того встретить. Хотя это и странно, вроде бы по телефону Мариша договаривалась, что придет прямо домой к Филу.

Она присела на краешек стула и еще раз осмотрелась по сторонам. Да, ее первое впечатление об этой кухне оказалось верным. Просто прелесть! Мебель из натурального дерева. Очень светлая и с интересным рисунком. Мариша залюбовалась прожилками светло-кофейного цвета, которые красиво разбегались в разные стороны. Созданный самой природой узор был умело обыгран.

– Наконец-то! – услышала Мариша голос Лешки. – А я уж думал, что-то случилось. Где ты?

Она взглянула на парнишку, который слушал, что ему говорит его приятель. И увидела, что тот стремительно бледнеет.

– Что? Как? – забормотал Леша. – Нет, это невозможно! Вы ошибаетесь! Скажите мне, что это шутка! Прошу вас! Вы ведь шутите?

В голосе у него слышалось столько мольбы, что Мариша невольно вскочила на ноги.

– Что случилось?

Но Леша ничего не ответил. Телефон выпал из его ослабевших пальцев, но он даже не обратил внимания на то, что дорогая модель упала прямо на кафель, да еще и ударилась об него и отлетела куда-то под стол.

На Лешу было страшно смотреть. В один миг он из цветущего юноши словно бы превратился в древнего старика. Жуткое зрелище!

Мариша подскочила к пареньку и подтащила его к стулу.

– Сядь! Вот так, умница. А теперь выпей вот это! И еще! Глотай!

Леша послушно глотал холодную воду. А когда Мариша еще и побрызгала ему в лицо, наконец очнулся и вскочил на ноги.

– Ты что?

– Нельзя сидеть! Надо бежать!

– Куда? Зачем?

– Там Фил... Во дворе... Они говорят, умер, – принялся тараторить Лешка.

Мариша ничего не поняла и покачала головой:

– Что? О чем ты? Кто умер?

– Фил!

– Не может этого быть!

Леша взглянул на Маришу с благодарностью.

– Вы тоже так думаете? – воскликнул он, хватая ее за руку. – Думаете, что это чья-то глупая шутка?

– Ну, конечно!

– Но все равно надо проверить. Пойдемте вместе! Честное слово, один я боюсь! Если с ним действительно что-то случилось, я этого не переживу!

Глупо было бы отказываться. Кто же отказывается от такого приглашения? Во всяком случае, только не Мариша!

Вдвоем они вновь вышли из дома и оказались во дворике, который Мариша пересекла совсем недавно. Дворик был совсем невелик. Тут была детская площадка и за ней несколько кустов желтой акации. Вот, собственно, и все.

Кусты со времени их посадки сильно разрослись и увеличились в размерах. Но ленивый садовник оставил их обрезку до весны. И сейчас кусты вымахали почти в два человеческих роста.

Вот туда и устремился Леша. К кустам. Возле кустов акации уже стояли несколько человек. Почти у всех в руках были поводки. Собачники! Однако время для выгула домашних питомцев довольно позднее.

– Что тут? – подбежал к ним запыхавшийся Лешка. – Что за шутки? Где труп?

При слове «труп» по спине у Мариши побежали холодные мурашки. Как, однако, все запущено! Про труп ей никто не говорил! Лешка говорил что-то о том, что Фил умер... Фил? Умер? Так это он умер? И тут лежит его труп? Однако поздно до Мариши доходит.

Но вместе с этим в ее голову закралась еще и другая мысль. Только этого еще не хватало! Единственный свиде-

тель преступления в доме Воронцовых и тот тоже умер?

Не желая верить в такую невероятную человеческую подлость, Мариша заглянула за спины людей. На снегу действительно кто-то лежал. Человек. Но отсюда было не понять, кто это точно. Однако у Леши на этот счет никаких сомнений не было.

– Фил! – воскликнул он, раздвинув людей и кинувшись к распростертому на снегу телу. – Фил, очнись! Миленький! Проснись! Что с тобой?

И подняв голову, он закричал:

– Врача! Вызовите же врача! Скорее! Что же вы стоите?

Толпа собачников как-то странно колыхнулась и снова замерла. Никто не торопился выполнить просьбу Леши. И лишь один толстяк проворчал:

– Чего уж врача-то? Вызвали мы «Скорую». Да не поможет она. Поздно!

Поздно, отдалось в голове у Мариши. Как поздно? Почему поздно? Выходит, человек на снегу умер? Но отчего? Почему он умер? И кто это так решил, что он умер?

Мариша пошарила глазами вокруг. Вроде бы пятен крови не видно. Свет от фонаря ярко освещал белый снег. Следов борьбы на нем тоже не было видно. Хотя собаки и их хозяева так основательно потоптались вокруг тела, что если что там и было, то они это уже давно затоптали.

А что это там лежит? Какая-то бумажка! Поднять ее или не надо?

Но прежде чем Мариша сумела дать себе отчет, что она делает, она наклонилась и вытащила из снега частично за-топтанную в него обертку от шоколадной конфеты. Поднеся обертку ближе к глазам, Мариша прочитала на ней «Белочка».

Хм! Лично сама Мариша предпочитала трюфели, но о вкусах, как говорится, не спорят. «Белочка» тоже очень и очень неплоха.

Да и вообще, о чем это она? Тут человек умер! Бумажку прочь и за дело!

– А кто его нашел? – прошептала Мариша на ухо тому самому толстяку, который высказался насчет «Скорой».

Мариша запомнила его еще и потому, что это был именно тот мужчина, которого она встретила, входя в дом Филя. И пузатый боксер, которому так поздно приспичило во двор, тоже был рядом. Он сосредоточенно сопел, сидя толстой попой прямо на снегу. Маришу всегда удивляло, как это короткошерстные собаки не боятся вот так садиться на холодную землю, лед или снег. Лично она бы сразу же заболела и умерла. А собаки сидят или даже лежат на ледяной поверхности. И обычно это не имеет для них никаких неприятных последствий.

– Это вы его нашли? – повторила Мариша вопрос.

– Я?! – испугался толстяк. – Упаси боже! Это Борька нашел!

– Борька?

В это время боксер поднял голову и коротко удрученно гавкнул. Морда его выражала пессимизм. Пес явно не ждал от этой жизни ничего хорошего.

«Так я и знал, что снова вляпаюсь в какое-нибудь дерьмо! – казалось, говорил его взгляд. – Хоть совсем носа из дома не высовывай!»

– И ведь сразу понял, что мужик уже того... Жмурик!

– Кто понял?

– Борька! Он у меня такой... Чувствительный.

Боксер отвернулся и вздохнул. Чего там, мол, хозяин перед бабой распинается. Разве же она поймет?

– Я бы, наверное, в обморок упала, доведись мне найти труп! – почти искренне воскликнула Мариша.

– Вот и Борька мой в шоке. Завыл так, что я с другого конца двора прибежал. Думал, лапу себе стеклом порезал или еще чего. А тут вот... Лежит, значит. И признаков жизни не подает!

– Вы уверены?

– Милая, я же врач! – снисходительно пояснил мужчина. – Правда, стоматолог. Но все-таки пульс у трупа проверить могу. Кое-чему меня в медицинском все-таки научили!

Пульс у трупа! Великолепно! В жизни не пошла бы к такому врачу.

Вскоре приехала и обещанная «Скорая помощь». Из машины вылезли страшно недовольные двое мужчин – один постарше, второй совсем мальчишка.

– Никита Дмитриевич, у нас тут труп! – воскликнул он, наклонившись к лежащему на снегу телу. – Ой!

– Владимир, – строго произнес второй. – Никогда не лезь поперек батьки в пекло. Ты у нас на «Скорой» только первый день, а у тебя уже жмурик. Хорошо это, по-твоему?

– Но что же делать? – растерялся мальчишка. – Он же то-го... Мертвый! Взгляните сами! Скорей!

– Ох, молодежь. Все торопитесь куда-то, – вздохнул пожилой врач, неодобрительно взглянув на припрыгивающего рядом с ним мальчишку. – Раз уж мертвый, так чего там торопиться? Мертвые они тем и хороши, что никакой спешки не требуют.

Все же подтвердив диагноз своего юного помощника, врач впал в еще большее недовольство.

– По виду смерть естественная, – произнес он. – Сердце, должно быть, прихватило. Губы вон какие синюшные. Сердечник! Но точно сказать может только эксперт. Мужик по виду не старый. Так что без ментов и вскрытия будет никак не обойтись.

Менты прибыли к тому моменту, когда все во дворе уже окончательно окоченели. Мариша уже давно увела Лешу к нему домой, отпаивать горячим чаем. Соседи тоже распозлись по своим делам, замерзнув стоять на ледяном ветру. Так что приехавшие менты пробежали по двору битых десять минут, пока кто-то из соседей не сжалился над ними и не показал им, где искать труп.

В квартиру покойного менты пришли еще спустя некоторое время. Ночь уже почти полностью вступила в свои права. Леша к этому времени уже лежал на диване и жалобно стонал. Мариша сидела рядом и караулила. В качестве лекарства Мариша вкатила ему в чай солидную порцию виски, потому что, придя со двора, парень трясся, словно в ознобе, и время от времени рвался наложить на себя руки.

– Зачем мне жить без моего Филя? – восклицал он, пытаюсь рвать на голове волосы.

Так как волосы были коротко подстрижены, пальцы скользили по коже. И тщательно наманикюренные ногти оставляли на коже царапины. Видимо, Лешка в самом деле был не в себе от горя. В другое время женственный паренек тридцать раз подумал бы, прежде чем оцарапать себе хотя бы локоть. А тут лицо! Лоб! Щеки! О, ужас!

И как тут было не влить в него виски? Мариша не пожалела и плеснула от всей души. И заставила выпить, почти применив грубую физическую силу. Так что видок у бедного Лешки, когда в квартиру пожаловали оперативники, был еще тот. Морда расплосована, волосы топорщатся, взгляд безумный. А от самого разит спиртным и качает из стороны в сторону.

Ничего удивительного не было в том, что менты тут же поинтересовались:

– Вы с покойным часто ссорились? Вы жили с ним в одной квартире? Ах, вот как! В одной комнате? А спали? Вот тут

прямо вместе и спали?

Оперативники покосились на единственное спальное место в комнате – матрас – и понимающе ухмыльнулись. Но Леша был в таком отчаянии, что ему было плевать на все.

– Я его так любил, так любил! – бормотал он. – Никогда ему не изменял! А он изменял мне направо и налево! Ни одной смазливой задницы мимо себя не пропускал!

Мариша заметила, как один из оперативников в этот момент скривился и сплюнул на пол. Но второй, то ли более сдержанный, то ли менее впечатлительный, то ли просто по своей природе снисходительный к слабостям других людей, спросил:

– Наверное, у вас и скандалы по этому поводу случались?

– Конечно!

– И сегодня тоже?

– Сегодня нет! Сегодня мы дома планировали остаться. У нас все хорошо было. Я в магазин за продуктами пошел, а Фил был дома. Он меня ждал.

– Почему же его тело нашли на улице? Да еще под пальто надет домашний спортивный костюм. И ботинки надел прямо на голые ноги?

Вот оно как! Похоже, Фил так торопился уйти из дома, что даже толком не успел одеться. Значит, он намеревался выйти ненадолго, поэтому и не стал надевать носки, а прямо выпрыгнул из своих домашних туфель и влез в ботинки.

– Наверное, торопился, – подтвердил Маришину догадку

и Леша. – Иначе бы оделся получше.

– А куда же он торопился, если не секрет?

– Наверное, меня догнать хотел.

– А зачем?

– Забыл, возможно, что-то мне сказать насчет покупок.

– А телефон зачем? Разве у вас двоих не было мобил?

– Есть у нас мобилы, конечно. Но возможно, Фил передумал и решил пойти в магазин вместе со мной. Вот и оделся кое-как, думал меня догнать.

Оперативники переглянулись друг с другом.

– Разве в той стороне есть продуктовый магазин?

– Нет. Там только гаражи, – скис Лешка. – И автобусная остановка. Раньше возле нее был ларек, но его уже сто лет назад убрали. Магазин теперь в другой стороне.

И Лешка окончательно понурился.

– Значит, Фил пошел кого-то встретить, – прошептал он едва слышно. – Снова он принялся за старое!

Но ментам было не интересно слушать его откровения. Да и вообще они к этому делу отнеслись как-то очень равнодушно. И не скрывали своего желания побыстрее свалить. Быстро задав самые необходимые вопросы Лешке, они собрались и ушли, предупредив, что Лешу, вероятно, еще вызовет к себе следователь.

Убийством случившееся они не считали. По их мнению, это был несчастный случай. Мариша поняла это, подслушав их разговор у кнопки вызова лифта.

Переть пешком ментам вниз не хотелось, вот они и застряли на этаже в ожидании кабины лифта.

– Только я думаю, что никакого криминала тут нету. Прихватило сердце у мужика, бывает!

– Ага. Особенно если самому за сороковник давно стукнуло, а он все с молоденькими жеребчиками кувыркается.

– Уверен, что и эксперты это подтвердят.

– Нет, ты видел этот матрас, Серега?

– Ага! Целый траходром!

– Неудивительно, что у мужика сердце прихватило.

– А этот его дружок, он ничего такой из себя... Смазливенький.

– Ты меня не пугай, Серега!

– А я че?! А я ниче! Просто на девчонку смахивает.

С этими словами опера сели в кабину лифта и укатили на ней вниз. А Мариша осталась с Лешкой. Парень был безутешен и все время шептал себе под нос:

– Как они правы! Я – никто! Смазливенький жеребчик! Именно так Фил ко мне и относился!

И неожиданно кинувшись в объятия Мариши, парень зарыдал:

– Какой же я несчастный! Какое горе! Просто не верится, что Фил умер! Навсегда! Нет его! Некому трепать мне нервы! Не за кем мне больше следить. Да и незачем! Все! Все кончилось! Все!

– Ну, не переживай ты так! – неумело похлопала его Ма-

риша по затылку.

К парню у нее были чувства наподобие материнских. Хотя, если вдуматься, не приведи бог иметь такого сыночка! Со стыда перед людьми сгоришь! Рожала мальчишку, а получилась девчонка. Тьфу!

Возможно, в таких случаях лучше уж сразу сделать операцию по смене пола. Ну, и уехать куда подальше. Может быть, тогда хоть не так отвратительно это будет выглядеть со стороны? Особенно если никому не говорить, что прежде ты был мальчиком!

Но Лешка действительно был очень милостивым и женственным. Его огромные глаза в обрамлении густых девичьих ресниц кротко моргали, смахивая огромные слезы. Круглые розовые щеки были лишь слегка припорошены юношеским пушком. И по-своему этот мальчик был очень хорош. И, наверное, где-нибудь в Древнем Риме или в Древней Греции пользовался бы большим успехом и у тогдашних философов, и у патрициев, и даже у суровых воинов, вернувшихся из походов и уставших от своих таких же суровых боевых друзей.

Вот только плохо для Лешки было то, что те времена давно прошли, а наша современная культура такую мужскую красоту и такие мужские отношения не приемлет категорически.

Но со своей стороны никакой антипатии Мариша к этому юноше не испытывала. И ей очень хотелось его утешить.

– Найдешь ты еще свою любовь, – попыталась утихомирить она его рыдания, как сделала бы это для всякой своей подруги. – Фил тебя совсем не любил. Так что радуйся, что ты теперь свободна, то есть свободен.

На какое-то время рыдания стихли. А потом паренек поднял на Маришу растерянный взгляд.

– Вы думаете? – спросил он с явным интересом. – Мне повезло?

– Ну, конечно! Сам подумай, Фил изменял тебе с другими мальчишками! Ты жил у него, лишь пока он тебя хотел. Но долго бы это продлилось?

– Месяц, – вздохнул Лешка. – От силы два. Дольше у Фила никто не задерживался.

– Вот видишь! А тебе столько ждать не пришлось. Долго вы с Филом были вместе?

– Почти два месяца.

– Ну все! Считай, что он тебя просто выгнал. Ничего ужасного не произошло. Не ты первый, не ты последний.

Но глаза Лешки снова стали наполняться слезами, и Мариша поняла, что ляпнула что-то не то.

– Нет, я к чему это говорю! – торопливо воскликнула она. – Ведь повезло тебе в том, что он не успел тебя бросить! Теперь никто не скажет, что Фил тебя турнул, как и других своих любовников, пинком под зад. Теперь ты навсегда останешься в памяти людей, как Последняя Любовь Филимона! Понимаешь, как это классно?

Лешка снова передумал плакать. Глаза у него загорелись честолюбивым блеском, и он деловито осведомился у Мариши:

– Вы так думаете?

– Да! Только тебе придется немного подкорректировать историю.

– А как? Как подкорректировать?

– Ну, скажешь, что Фил умер у тебя на руках, когда вы с ним вышли прогуляться чудесным зимним вечером. Светила яркая луна, на небе мерцали звезды, вокруг лежал чистый сверкающий снег. Фил взглянул на небо, взял тебя за руку и явно собирался тебе что-то сказать, возможно, признаться в своей любви. Но внезапно побледнел, схватился за грудь, а потом упал прямо в мерцающий снег у твоих ног. Ты держал его за руку до последнего. И успел услышать сокровенные слова, произнесенные Филом перед смертью.

Когда Мариша закончила, глаза у Лешки уже сверкали.

– Фил меня обожал! – прошептал он. – В самую последнюю минуту думал именно обо мне! Все остальные мальчишки могут отдыхать! Я – супер!

Как все-таки просто с молоденькими дурачками. Они такие впечатлительные и доверчивые, как дети. Наплетешь им с три короба, а они еще и добавки просят. Определенно, у Мариши есть педагогический талант.

– Расскажите еще! – между тем возбужденно потребовал у Мариши паренек. – Что же сказал мне Фил перед смертью?

– Сказал? Ну, разумеется, взял тебя за руку и сказал: «Леша! Ты единственная любовь всей моей жизни. Никогда до тебя я не встречал такого чудесного, такого очаровательно-го и такого красивого мальчика. Ты – вся моя жизнь! Хочу быть с тобой до самого конца!»

– И умер?!

– В ту же секунду! – подтвердила Мариша. – Не выдержал таких сильных чувств!

– Класс! – выдохнул паренек. – Надо будет всем нашим об этом рассказать!

И он действительно бросился на поиски телефона. Это было что-то невероятное! Лешка обыскал всю квартиру, не нашел трубки и чуть было снова не разрыдался, если бы Мариша не вспомнила, что телефон завалился куда-то под стол.

– Вы – ангел! – возликовал парнишка. – Вы почти такая же хорошая, как моя мама!

Нет уж! Мариша для себя окончательно решила, что она как-нибудь обойдется без такого сынульки. Лучше уж сразу дочка. К чему все эти промежуточные этапы?

Следующие полчаса Лешка провел в обнимку с телефоном, раз за разом пересказывая придуманную Маришей историю. Судя по его ответным репликам, история имела потрясающий успех среди бывших любовников Филимона.

Несмотря на позднее время, откликнулись все. Кто-то верил в смерть Фила, кто-то, наоборот, не верил. Но приехать

в эпицентр событий захотели абсолютно все. И через короткое время Мариша оказалась окружена со всех сторон молоденькими трепещущими от волнения геями, рыдающими, кричащими и заламывающими руки.

Они демонстрировали самую разнообразную гамму чувств, начиная от неприкрытого ужаса и заканчивая чем-то сродни триумфу.

– А я всегда говорил, ничем хорошим Фил не кончит! Нельзя прыгать из одной койки в другую, плевать на чувства окружающих и вытирать об них ноги!

– Молчи! Фил был необыкновенным!

– Необыкновенным мерзавцем, ты хочешь сказать!

– Он был неотразимым!

– Неотразимым негодяем!

– Ты его ненавидел!

– А ты просто дешевка! Волочился за ним, хотя он в грош тебя не ставил и открыто изменял тебе.

– Он нам всем изменял! Ну и что? А мы изменяли ему!

– Ага! Друг с дружкой! Чтобы утешиться после того, как получали от Филадельфии очередную оплеуху!

– А вот меня он никогда не бил! – раздался растерянный голос. – Выходит, он меня не любил?

Мариша даже растерялась от такого наплыва глупости со всех сторон. Неужели вместе с мужественностью эти мальчишки потеряли и свой ум? Похоже на то, потому что сейчас они выглядели, как стайка ярко наряженных и покрашенных

сумасшедших попугайчиков. Каждый кричал свое. И разобраться в этом шуме и гвалте с непривычки у Мариши не было никакой возможности.

Поэтому Мариша решила дать ребятам накричаться и выплеснуть свои эмоции, а сама принялась разглядывать их всех по очереди. Что же каждый из них представляет собой? И кто из них может быть ей особенно полезен?

Глава 7

Судя по тому, что она уже услышала, перед ней были самые близкие друзья Филадельфии. А верней сказать, его подружки. С мужчинами или даже с юношами эти существа у Мариши никак не ассоциировались. Они выглядели словно девчонки. Вели себя словно девчонки. Они говорили, смеялись, плакали и даже пахли так же, как девчонки!

И все же Мариша не видела другого выхода, кроме как с головой окунуться в эту пеструю толпу с целью ее изучения. Дружки Филадельфии обязательно должны ей рассказать что-то полезное. Иначе она будет просто не она!

Теплая компания состояла всего из пяти геев. Хотя сначала Марише и показалось, что их пятьдесят пять, но нет, их было всего пятеро.

С Алексеем, который чувствовал себя сегодня героем дня, Мариша уже познакомилась. Еще трое мальчишек не многим отличались от него. Такие же женственные черты лица,

изнеженные руки, нарядная облегающая тело одежда. Развратные, испорченные и очень несчастные дети. Они болтали без умолку. И Мариша в очередной раз подумала, что они все тут психически нездоровы.

Но вот четвертый паренек и вел себя совершенно иначе, и выглядел иначе. У него были тяжелые грубоватые черты, а руки, носящие следы рабочих мозолей, сами собой складывались в могучие кулаки. Волосы у него были густые, просто подстриженные, темные. Одет он был в темный свитер с высоким воротом и джинсы со множеством карманов, в каждом из которых явно что-то лежало. Кожа у него на лице была красная и обветренная. Похоже, парень проводит на морозе много времени, работая тяжело и помногу.

И он тоже гей?

Более непохожего на гея человека Мариша еще никогда не видела. Она разглядывала молодого человека, как вдруг наткнулась на его открыто враждебный взгляд.

– А это кто? – услышала она голос темноволосого паренька и поняла, что вопрос относится именно к ней.

– Это мой ангел-хранитель! – тут же подскочил к ней Алексей. – Она меня так выручила! Честное слово, я бы без нее не справился! Это все было так ужасно! Смерть Филя! Менты! Потом у меня случилась истерика! И все это время Мариша была со мной рядом! Она меня буквально спасла! Не дала мне сойти с ума!

– Ура, Мариша!

– Спасибо!

– Какая ты добрая!

– Я тебя обожаю!

Один лишь темноволосый паренек не разделил всеобщего восторга.

– Скажи ей, чтобы уматывала! – грубо приказал он Леше.

– Что?

– Что слышал! Пусть эта телка уматывает. Она тут чужая!

Нечего ей наши разговоры слушать!

Мариша уже решила, что ей придется уйти, но внезапно Леша выдвинулся вперед и, загородив ее своим щупленьким тельцем, воинственно воскликнул:

– И по какому праву ты тут распоряжаешься? Ты тут никто! Фил выгнал тебя давным-давно!

– Не хотите? – зло сверкнул на своих друзей темноволосый. – Хотите, чтобы она осталась?

– Да! Хотим! – ответил за всех Леша.

– Тогда уйду я! Сами не знаете, от чего вы отказываетесь!

Кретины! Оставайтесь тут сколько хотите!

И парень, схватив в охапку свое пальто и шапку, вылетел вон. Мариша хотела побежать за ним, но была остановлена Лешей.

– Не надо! – повис он у нее на руке. – Пусть этот дурак уходит!

– Ну его, – подтвердил еще один похожий на девочку паренек. – Он такой противный!

– И за что его только Фил любил?! – воскликнул другой.

– Ни с кем из нас не откровенничал, а Гавроша всегда к себе звал!

В голосе третьего была слышна неприкрытая зависть. И Мариша поняла, что Гавроша в этой компании явно недолюбливали. И еще Мариша подумала, что, пожалуй, Гаврош был единственный, кто тут не «утешался» с другими после того, как его выгнал Фил. Отсюда и враждебность к нему этих юных геев.

И все же Мариша чувствовала, что ей надо пойти следом за Гаврошем. Парень явно хотел поговорить с остальными о чем-то важном. И лишь присутствие постороннего, как он думал, человека останавливало его. Но о чем хотел поговорить Гаврош с остальными друзьями Фила? Явно о самом Филе!

А раз Фил имел привычку откровенничать именно с Гаврошем, возможно, он не скрыл от него и своего визита к коллекционеру?

Изгнав Гавроша, юные геи быстро забыли и про Маришу. Так что она потихоньку выскользнула в прихожую, а оттуда на лестничную клетку. Ей показалось, что темная тень мелькнула где-то внизу.

– Молодой человек! – воскликнула она. – Подождите! Я расследую убийство одного человека. И Фил мог быть свидетелем этого преступления.

Никакого ответа! Лишь далеко внизу хлопнула дверь. Ма-

риша тоже побежала вниз. Лифт был где-то занят. Так что вниз она спустилась сама. Запыхавшись, она выбежала во двор.

– Гаврош! Где вы? Отзовитесь!

Никто ей не ответил. Да еще ветер разыгрался с новой силой. Острые снежинки впивались Марише в лицо. И все же сквозь снежную круговерть она заметила какую-то темную фигуру у злополучных кустов акации. Гаврош? Он?

Подойдя ближе, она убедилась, что предчувствие ее не обмануло. Это был тот самый темноволосый паренек. Сейчас на нем не было шапки. И злой ветер теребил его волосы, засыпая их снегом. Но Гаврошу, казалось, было все равно. Замерев на одном месте, он смотрел туда, где еще недавно лежало тело Филя.

Мариша подошла и молча встала рядом. Гаврош посмотрел на нее, но уже без былой враждебности.

– Что вы там говорили насчет того, что отец мог быть опасным свидетелем?

От неожиданности Мариша даже вздрогнула. Голос Гавроша прозвучал из-под ворота его куртки как-то глухо.

– Ну да, Фил был свидетелем... – начала говорить она, но внезапно осеклась. – Отец? Подожди! Какой отец? Чей?

– Мой, – отозвался Гаврош и печально взглянул на нее. – Что, не знали? Фил был моим отцом.

Мариша покачала головой. Невероятно! Хотя почему невероятно? Физиологически Фил был мужчиной. И воз-

можно, когда-то у него даже была жена и дети. Ребенок. Это уже потом ему что-то стукнуло в голову, и он бросил семью и стал гоняться за молоденькими мальчиками.

– Хорошо, мать не увидит этого позора, – внезапно произнес Гаврош. – Наверное, на похоронах все эти малолетние клоуны будут выпендриваться кто во что горазд! Ох, стыдоба будет!

– Почему твоя мать этого не увидит? Она не придет?

– Не придет. Она умерла.

– О! Прости!

– Ничего, – отмахнулся Гаврош. – Это было уже очень давно. Я маму помню смутно. Меня бабушка с дедушкой вырастили.

– Папины родители?

– Фила? – удивился Гаврош. – Нет, я даже не знаю, живы ли у него родители. Скорее всего, нет. То есть, наверное, когда-то были, но я их не помню. И понятия не имею, где их искать. Меня вырастили мамины мама и папа. Верней, мамина мама и ее муж. Мой родной дед тоже умер еще до моего рождения.

Мариша не знала, что сказать в ответ на эту печальную историю. Бедный парень! Все-то у него умирают. И мать, и дед, и теперь вот отец. До чего же невезучий этот Гаврош! Бывают такие люди, вроде бы все у них на месте – руки, голова, рот, нос. А как подумаешь, так лучше бы им чего-нибудь одно отрезало, зато в остальном бы везло по жизни.

Но Гаврош был явно из типичных неудачников. И осознание этого факта наложило на лицо молодого человека привычную уже печать мрачной угрюмости.

– Ничего, я уже привык! – сжал он губы. – А знаете, как я познакомился со своим отцом?

– Нет. А как?

– Дед-то у нас раньше умер. А когда и бабушка умерла, я совсем один остался. Ну, и дай, думаю, разыщу своего отца. Все-таки родной человек. Одному-то мне тогда страшно было. Вот я, дурак, и решил отца искать.

– Ну почему же дурак? Правильно решил! Отец как-никак!

– Да? А вот Фил, когда меня увидел, сначала сачканул жутко!

– Сачканул? То есть испугался? Почему?

– Так я же взрослый парень! А у Филадель... Да ты сама видела его гарем! И это еще далеко не все собрались. Только Лешка и те, кто последний год возле Филадель уживались. А есть у него и похлеще кадры! И как отцу было объяснить остальным, что у него, у Филадель, есть сын – их ровесник?

– Как?

– Вот и Фил тоже сначала прогнал меня. Правда, после все же одумался. Сам ко мне приехал и предложил свою дружбу.

– Дружбу?

– Ну, типа со стороны все должны были думать, что я – один из них. Так все было нормально.

– Нормально?!

Мариша ушам своим не верила. Что же за человек был покойный, если для него было нормальным то, чтобы его родного сына все вокруг считали его любовником?

– Так ведь никто же и не знал, что я его сын, – объяснил ей Гаврош. – Вот в чем фишка!

Определенно безумие заразительно! Осторожно, Мариша! Как бы и ты сама грешным делом не подхватила его!

– Но ты-то сам знал! – воскликнула она, глядя на Гавроша в упор. – Ты-то знал, что вы – отец и сын!

– Знал.

– Зачем же согласился на ложь?

Гаврош тяжело переступил с ноги на ногу и вздохнул:

– Так это... Отца поближе узнать хотелось. Я всегда мечтал отца своего узнать. А тут такой шанс! Вы бы упустили?

Вопрос относился к Марише, и она, честно, не знала, что ей ответить.

– Не знаю, как я поступила бы на твоём месте, – наконец призналась она. – Но все это выглядит как-то не очень.

– А вы думаете, я этого не понимал! – горько воскликнул Гаврош. – Отец жил совсем не так, как был должен! Пусть он даже предпочитал мужчин! Но не так же! Не со всеми подряд надо знаться. Я хоть и молодой, а у меня всего две девчонки в жизни были. А у отца за год по десять мальчишек менялось. Да что там десять! Это я только про тех говорю, с кем он жил. А были еще и те, с кем он встречался время от времени. Были

случайные, которых он «сквозняками» называл. Бывали и те, чьих имен он даже не знал! Да что там имена! Лица не мог вспомнить при случае!

– Твой отец пил?

– Ну, как все артисты.

– То есть пил?

– Запоев у него не случалось. И наркотики он не употреблял. А это среди артистов – редкость!

Чувствовалось, что Гаврош гордился своим отцом. И все же Мариша не могла не заметить:

– Но ведь твой отец не был сильно знаменит, правда?

И реакция последовала именно та, какую она и ожидала.

– Почему же? – немедленно вскипел Гаврош. – У отца и труппа своя была. Он со своими актерами по разным местам гастролировал. В провинцию, конечно, не совались. Там народ простой, могли и дерьмом коровьим закидать. А вот в Европе и в нашем городе отец отлично себя чувствовал. Тут люди к геям с пониманием относятся. Так что на всех школьных каникулах у отца работы вагон было. Летом он по детским лагерям курсировал. Ну а в остальное время перебивался кое-как. Каникулярных заработков ему вполне на жизнь хватало.

Мариша благоразумно удержала свои комментарии при себе. Хотя у нее волосы на голове встали дыбом, когда она представила себе, что вот такой вот артист со своей «труппой» приехал в летний лагерь, где отдыхает ее собственный

крошка-мальчуган. Ужас!

– Так, а что вы там про свидетеля убийства говорили? – направил ее мысли в правильное русло Гаврош. – Отец что, видел, как кого-то пришили?

– А он тебе об этом рассказывал?

– Нет. Но только...

– Что «только»?

– Очень уж отец в последние дни был странный, – признался Гаврош. – Нет, вы меня поймите, отец, конечно, всегда был странный. Но когда к человеку привыкаешь, поневоле заметишь, если его что-то тревожит.

– А твоего отца, выходит, что-то тревожило?

Гаврош кивнул, и Мариша заметила, что у него зуб на зуб не попадает.

– Да ты совсем замерз! – воскликнула она. – И шапки у тебя нет!

– Что я, девчонка, что ли, чтобы в шапке париться!

– Париться! Горе ты луковое! Вот схватишь сейчас менингит, будешь знать, как без шапки ходить!

Гаврош внезапно улыбнулся непослушными бледными губами:

– Вы сейчас совсем, как моя бабушка. Она тоже меня вечно ругала, если я зимой на улицу без шапки выскакивал.

Вот уже второй парень за сегодняшний день говорит ей о том, что она напоминает маму, а теперь вот и бабушку. Что это? Знак свыше? Знак того, что у Мариши родится маль-

чик? Или того, что она стареет? Ох, последнего не хотелось бы!

Мариша схватила Гавроша и потащила его к своей машине, приговаривая по пути:

– И правильно тебя твоя бабушка ругала! Святая женщина. А вот ты – дурак, что ее не слушался!

– Да, я дурак, – признался Гаврош, топая за Маришей. – И бабушка у меня святая. Между прочим, она меня уговаривала к отцу не соваться. А я вот не послушал ее. Не знал бы его и спокойней бы сейчас спал!

Включив печку и немного отогревшись в машине, Мариша потянулась за термосом. Когда она заливала сюда кофе? Кажется, это было уже пару дней назад. Но там еще должно было оставаться на два глотка. Однако, к удивлению Мариши, кофе в термосе не было. Но зато там был чай, и его было очень много! Почти целый термос горячего и сладкого чая.

– О! – обрадовался Гаврош, втянув носом аромат, поднимающийся от напитка. – Чай! Да еще с мятой! Люблю с мятой!

Чай? С мятой? Мариша в жизни не пила чай с мятой. Не любила этот вкус, поэтому никогда и не заваривала себе эту траву. И чай в термосе она не держала. Кофе – да. Кофе у нее был в термосе всегда. А вот чай – никогда.

И как получилось, что он очутился в ее термосе? И не просто в термосе, а в термосе, который всегда находился в ее машине?! Выходит, свистопляска с «барабашкой» продол-

жается? Ему стало тесно у нее в квартире, и он решил порезвиться также и у нее в машине? Заварить ей чайку с мятой? Ерунда какая-то!

Между тем Гаврош, не подозревая о терзающих Маришу сомнениях, с удовольствием выпил целую чашку горячего чая, порозовел, отогрелся и окончательно расположился в пользу Мариши. Он даже извинился перед ней.

– Вы меня простите за то, что я вас прогнать из квартиры отца хотел. Ну, там...

– Да что там! Проехали и забыли! Я все понимаю!

– Я хотел этим придуркам раскрыть тайну, кто я есть на самом деле.

– Понимаю.

– А потом подумал, а зачем им знать правду? Что это изменит? Отца все равно уже не вернешь. Пусть будет так, как он хотел. Пусть никто из них про меня так и не узнает.

– Ну, вот твой отец и добился своего. Он умер в ореоле славы величайшего гей-любовника нашего города.

Гаврош не ответил. Он смотрел в окно на опустевший двор, где еще совсем недавно лежало тело его отца. Снежинки падали уже одним сплошным белым покрывалом, окончательно уничтожая все следы и делая землю, машины, деревья и кусты равномерно белыми и пушистыми.

Чтобы отвлечь парня от тягостных мыслей, в которые он явно погрузился, Мариша спросила:

– А почему тебя так странно зовут? Гаврош?

– А? Что?

– Гаврош – это ведь был герой французской революции. Мальчик – сирота и бедняк, погибший совсем юным на баррикадах Парижа во имя свободы Франции. Гаврош – это герой одноименного фильма. Мальчишка гибнет с Марсельезой на губах.

– Да, бабушка мне что-то об этом говорила. Гимн свободы, и все такое... Но лично я всегда считал, что Гаврош – это сокращенное от Гаврилы. Это мое имя.

– Так тебя при рождении называли Гаврилой?

– Не знаю, кому именно из моих родаков пришла такая дикая идея в голову. Но да, они меня так называли.

Вывести парнишку из его задумчивости не очень-то получалось. И поэтому Мариша просто спросила его в лицо:

– У твоего отца было больное сердце?

– Он никогда конкретно на сердце не жаловался.

– Но это еще ничего не значит. Многие люди терпят и храбрятся, чтобы не огорчать своих близких своими болезнями.

– Не тот случай, – покачал головой Гаврила. – Фил обо- жал, когда его жалели, когда вокруг него хлопотали и ухаживали за ним. Стоило у него заболеть голове или почке, как он тут же впадал в панику, воображал у себя кучу ужасных болезней и несколько дней подряд рассказывал всем кому не лень, какие жуткие мучения он претерпел. Только на моей памяти он пять раз умирал от ангины. Трижды у него была

мигрень, так что он опасался опухоли в мозге. Потом его мучили тупые боли в области печени, он считал, что у него чуть ли не цирроз. И у него кололо в почках. Он полагал, что это камни. Но вот на сердце он не жаловался никогда!

– Ты что-то говорил о том, что твой отец за несколько дней до смерти начал вести себя весьма странно.

– Да! – оживился Гаврила. – Вот именно, что странно! Вы это правильно подметили!

И еще больше воодушевившись, он принялся рассказывать.

Гаврила очень хорошо запомнил тот день. С самого утра ему следовало зайти к отцу. Они договаривались об этом заранее. Фил планировал поручить рукастому отпрыску починить проводку у себя в квартире. Сам Фил к такого рода занятиям относился свысока. Но принимать помощь со стороны не брезговал. И считал само собой разумеющимся, что родной сын старается для него бесплатно.

Мальчик приехал к точно оговоренному сроку, но отца дома не оказалось. Дверь была закрыта, но у Гаврилы к этому времени уже были свои ключи от дома отца. Он открыл ими дверь, вошел и, убедившись, что отца действительно нет, что он не спит и не моется, попытался до него дозвониться, а потом все же занялся проводкой.

– Отец вернулся только через два с половиной часа. Я к этому времени уже изрядно упарился и был не прочь поболтать с батей.

Филимона буквально распирало от обилия новостей. Гаврош это видел. И откровенно недоумевал, почему отец таится и мучается, хотя явно хочет поделиться с сыном.

Но Филимон лишь сказал сыну:

– Встретил одного человека – своего старого знакомого. Ты себе даже не представляешь, кто он такой! Я-то связанную с ним историю и все, что промежду нас было, давно похоронил. А он нет, все равно появился!

– И что? – поинтересовался Гаврош. – Ты рад?

– Даже не знаю, радоваться или пугаться. Он предложил мне одно дельце... Очень, надо сказать, выгодное дельце. Если все выгорит, как он говорит, я могу здорово разбогатеть.

– Разбогатеть?

Помимо воли Гаврош ощутил в груди какое-то странное шевеление. До сих пор он имел возможность неоднократно убедиться в том, что дела его отца очень далеки от настоящего процветания. Возможно, Филимон и воображал себя великим актером, но на его финансовых делах это никак не отражалось. Филимон после развода с женой не имел даже собственной квартиры. Снимал комнату. Или на пару со своим очередным бойфрендом снимал однокомнатную квартиру.

– В последний раз Филу с квартирой повезло. Он снял комнату в трешке, но в двух остальных комнатах никто не живет. Они стоят пустые. И хозяин разрешал Филу ими пользоваться.

В третьей комнате тоже было почти пусто. То есть мебели там не было. Но Фил не растерялся. Надувной матрас он одолжил у кого-то из своих знакомых. Кресло и два стула взял в театре – они были списаны как старье. Ну а кухонная мебель уже имелась в квартире. Хозяева установили ее, собираясь жить в квартире сами.

А потом у хозяев планы изменились. Они укатили жить на несколько лет за границу. Чужих пускать в квартиру не хотели. Вот тут и пригодился Фил.

– А кто хозяева квартиры? Ты их видел?

– Неа. Тоже какие-то актеры или музыканты. Фил с другими людьми почти и не общался.

В тот день Гаврош продемонстрировал отцу свою работу по части проводки, и Фил остался доволен.

– А ты, оказывается, рукастый у меня парень! – похвалил он сына, и Гаврош зарделся.

До сих пор ему еще не приходилось слышать отцовской похвалы. И сейчас он был необычайно горд за самого себя. Неожиданно для самого себя он заявил:

– Я все могу починить. И проводку, если надо, налажу тебе к концу дня.

– Да ты просто молоток! – воскликнул Фил. – А я вот никогда дюбель от самореза отличить не мог. Такой я лох!

Гаврила засмеялся шутке отца и украдкой покосился на Фила. Ему очень понравилось, как тот его хвалит. Но помимо похвалы в голосе Фила прозвучала еще и странная задум-

чивость.

После этого Фил остался рядом с сыном. Помогал ему. Подавал инструменты. И постоянно расспрашивал о том, что сын делает в данный момент. Так что Гаврош даже засмеялся:

– Ты что, хочешь всему научиться сам?

– Хочу!

– За один раз?! – еще больше развеселился Гаврош.

Но Фил в ответ не рассмеялся, а неожиданно серьезно спросил:

– А ты мог бы меня научить?

Гаврош чуть не свалился со стремянки, на которой стоял. Его отец, который прежде брезговал взять в руки даже простую отвертку, вдруг хочет научиться работать с проводами? Он не ослышался?

Парень едва сумел выдать из себя:

– Зачем тебе?

– Надо, – уклончиво отозвался Фил. – Скажи, а камеру наблюдения ты бы смог отключить?

– Ну... В принципе, если знать ее устройство, наверное, мог бы. Ничего хитрого в этом нет.

– А ты можешь мне показать, как это сделать?

– Просто отключить?

– Чтобы она совсем не работала!

– Ну, самое простое, повредить провода, отходящие от нее.

– Провода? – еще больше заинтересовался Фил. – А как их повредить?

Безграмотность отца в технических процессах умилила Гавроша, и он принялся охотно делиться с отцом своими знаниями. Тот слушал очень внимательно, ни разу не перебил сына. И вопросы задавал исключительно по существу. Так что к концу дня Гаврош не без удивления убедился в том, что отец сделал кое-какие успехи в обучении и теперь худо или бедно, но может самостоятельно орудовать с проводкой.

– Конечно, самостоятельно он весь дом обвесить электрикой никогда бы не смог, но кое-чему научился.

Мариша выслушала рассказ Гавроша с изумлением. Перед ней постепенно раскрывалась вся правда о произошедшем в доме Воронцова ограблении. Так вот кто повредил проводку и отключил видеокамеры в доме старого коллекционера! Это сделал Фил. Ну да, это ведь он приходил к Ивану Алексеевичу. Это его в костюме Дракулы видела старушка соседка.

Видимо, Фил и Иван Алексеевич были давно и хорошо знакомы, раз уж осторожный коллекционер впустил того к себе в квартиру. Но ведь и Фил пришел к старому знакомому не просто так! У него явно было поручение от неизвестного злоумышленника. И именно этот человек пришел следом за Филом, убил старика и забрал себе наиболее ценные предметы его коллекции.

– Черт, черт, черт! – прошептала Мариша, когда она осталась одна.

За минуту до этого Гаврош вылез из ее машины и тяжело потопал к подъезду своего дома. Мариша по доброте душевной подкинула парнишку к его жилищу. Да и как ей было поступить иначе, ведь на улице была уже ночь, а денег на такси у Гавроша явно не имелось. Так что Марише пришлось еще немного поработать, на этот раз шофером.

И лишь затем она поехала к себе домой.

По дороге она продолжала размышлять о том, что ей довелось узнать от Гавроша. И убеждалась все больше и больше в том, что отец парня был замешан в убийстве и ограблении Воронцова. Но вот кто был тот человек, который обратился к актеру за помощью и который, судя по всему, затеял всю эту аферу с ограблением старика Воронцова? Увы, Фил не назвал сыну имени своего сообщника. Только сказал, что это его очень старый знакомый, которого он уже не чаял и увидеть.

– Хм, – пробормотала Мариша. – И сдается мне, что смерть Фила в данном случае была очень на руку тому типу.

А как же иначе?! Ведь наверняка за помощь в ограблении и убийстве коллекционера Филу была обещана какая-то награда. Не зря же он говорил сыну о том, что скоро разбогатеет или, во всяком случае, существенно поправит свои финансовые дела. И за что была ему обещана награда? Только ли ради нее он пошел на сотрудничество с преступником и,

видимо, испортил видеокамеры в доме старика? Или тут было замешано что-то еще? Или кто-то еще?

Ну, как бы там ни было, а теперь Фил уже мертв. И расплачиваться с ним его сообщнику уже не надо. Тот может гулять, петь и веселиться. Дело сделано, а Фил – мертв!

– И о чем это говорит? – рассуждала вслух сама с собой Мариша. – А это говорит о том, что либо Фила убил его сообщник, либо, если Фил все же умер своей смертью, сообщнику просто сказочно повезло.

Потому что, насколько поняла Мариша со слов Гавроша, никаких особых денег у Фила пока что не прибавилось. К тому же он был человеком широкого размаха, и если обещанные деньги оказались бы у него в руках, то Фил сразу принялся бы их тратить.

– Отец обожал одеваться у самых дорогих модельеров. Это была его страсть! Конечно, отцу с его мизерными заработками это удавалось делать нечасто. Но если бы у него было больше денег, я уверен, он бы обязательно спустил их все на шмотки и прочее барахло. А раз он этого не сделал, значит, и деньги у него пока что не появились.

– А теперь они уже и не появятся.

С такими мыслями Мариша и добралась до своего дома. Время было уже совсем позднее, а точнее сказать, уже раннее. На душе у Мариши было тяжело. Уже третья смерть за последние дни. И все эти смерти случаются в непосредственной близости от Мариши. А она совершенно не знает, кто

убийца. И главное, посоветоваться не с кем! Смайл укатил по своим делам. Черт знает, когда он вернется назад. А у Мариши нарисовалось сразу три трупа. И все они вроде бы проходят по разным делам, но в то же время каким-то непостижимым образом связаны друг с другом.

Мариша даже не могла сказать, почему она так думает. Это было на уровне интуиции. Ну а своей интуиции, как известно, надо доверять, тогда жизнь станет много проще, да и мозг получит возможность немного передохнуть.

Глава 8

Дома Мариша была встречена у самых дверей Диной. Вообще-то в этом не было ничего странного. Кошка любила дремать на тумбочке у телефонного аппарата и часто встречала Маришу, потягиваясь возле него. Но... Но только не зимой! Зимой Дина предпочитала проводить дни возле батареи центрального отопления и в прихожую прибегала в самый последний момент, уже совсем не сонная, а бодрая и любознательная.

И к тому же в этот раз кошка выглядела встревоженной. Она переминалась с ноги на ногу и явно очень что-то хотела сказать своей хозяйке.

– Что случилось, Диночка?

– Мяумуррр! Муррррр! Мяу! – начала возбужденно докладывать ей Дина.

При этом она продолжала нервно переминаясь, всем своим видом показывая, что в отсутствие хозяйки в квартире что-то произошло.

– Что? – повторила Мариша, ужасно жалея, что не знает кошачьего языка. – Что такое произошло?

– Мур! Мурмурмур!!

Как ужасно жаль, что ученые до сих пор не удосужились придумать универсальные переводчики со всех звериных языков на человеческий! Хотя бы на один, пусть даже это будет английский. Но что мечтать попусту о том, чего нет? Дина, во всяком случае, не стала этого делать.

Кошка повернулась и быстро засеменила на кухню. Там явно находилось что-то, что она хотела показать Марише. Разувшись и скинув с себя коротенькую дубленочку (все никак не удосужится купить себе что-то более длинное, теплое и приличествующее ее теперешнему положению), Мариша поспешила за кошкой.

– Ну? Что тут?

Вместо ответа Дина уставилась на рассыпанное хозяйкой возле холодильника пшено. Мариша тоже посмотрела на него и ахнула.

Перед уходом зернышки были выровнены в один сплошной ковер. А теперь по пшену шли узоры вроде тех, которые таинственным образом отпечатались на пшеничных полях в Англии. Там фермеры до сих пор так и не смогли понять, кто же приминает пшеничные колосья, укладывая их в различ-

ные узоры, к которым нет подхода ни с одной стороны поля.

А у Мариши теперь на кухне были свои собственные картинки на зерне!

В полном изумлении Мариша смотрела на узор из трех соединяющихся между собой окружностей, каждая из которых была чуть большего диаметра, чем предыдущая. Самая маленькая находилась внизу, из ее центра шла вертикальная линия к следующей окружности. А потом точно так же к третьей и самой большой, которая располагалась где-то возле холодильника.

– Мама родная! – прошептала Мариша, разглядывая узор и пытаясь понять, откуда он тут взялся.

Ответа на этот вопрос у нее не находилось, да и ладно! Теперь Маришу больше интересовало, КАК были сделаны эти узоры? Узор находился в центре рассыпанной крупы. И больше никаких следов на нем видно не было.

– У нас были инопланетяне! – ахнула Мариша. – Маленькие инопланетянчики на маленькой тарелочке! Они летали по моей кухне и... и рисовали!

А что еще она могла подумать? Кто мог побывать в закрытой на отличный замок квартире? Ясно, что это инопланетяне просочились каким-то образом через стены и оставили следы на Маришином полу!

Сбегав за совком, Мариша быстро смела все испорченное пшено и выбросила его в мусор. И лишь сделав это, она охнула с досады.

– Надо же было сфотографировать! Ах я балда!

Но сделанного было уже не воротить. Доказательства посещения ее квартиры инопланетным разумом Мариша смела своим собственным веником. И теперь ей никто бы не поверил, вздумай она вспомнить и рассказать об этом. Впрочем, Мариша даже не стала и пытаться это делать. Зачем ей надо, чтобы над ней все потешались? Никто не поверит в то, что к ней прилетели те же инопланетные художники, которые разрисовали поля в Оксфорде. На всякий случай Мариша набрала номер своей мамы и спросила:

– Слушай, ты бы поверила, если бы тебе кто-нибудь рассказал о том, что инопланетяне таскают у него сосиски из холодильника, а потом рисуют узоры на полу?

– Узоры? – переспросила мама. – На полу? Мариша, ты знаешь, который теперь час?

Мариша покосилась на часы и ахнула. Пять утра! О чем она только думала, звоня маме в такую рань!

Но мама уже заинтересовалась услышанным и спросила:

– А чем они их рисуют? Пшеном? Не знаю. А что там с сосисками? Их они тоже разрисовали?

– Нет, их они просто съели. Что ты думаешь?

– Не знаю. И потом, какие это были сосиски? Если те, что я сама попробовала на прошлой неделе у тети Кати в гостях, то охотно верю. Такие превосходные сосиски – пальчики оближешь! А к чему ты это спрашиваешь? У кого случились такие странные вещи?

Поняв, что позвонила совершенно зря, Мариша быстро попрощалась и повесила трубку. Так, тут она помощи не дожидается. Похоже, придется бороться с проблемой один на один.

Заглянув в холодильник, Мариша убедилась, что на этот раз в нем ничего не пропало. Даже наоборот. Прибыла бутылка молока. Да не просто молока, а обогащенного витаминами и кальцием. Почему-то эта бутылка до того напугала Маришу, что она сразу же выкинула ее в мусорное ведро. Не будет она пить это подозрительное молоко! Кто их знает, этих инопланетян, возможно, они подмешали ей туда какой-то гадости.

И кстати, зачем они поят Маришу молоком? Это что такое? Простая благодарность за сожранные ими сосиски или нечто большее? А вдруг они откармливают Маришу, сажая ее на специальную диету, чтобы она родила здорового младенца. А потом – бац! И украдут ее малыша!

Где-то Мариша слышала или читала о таком. И ей это совершенно не понравилось. Нужно срочно позвонить мужу! Над его женой ставят опыты, планируют похитить наследника, муж должен что-то предпринять!

Но телефон мужа оставался недоступен для вызова, и Мариша окончательно затосковала.

– Смайл! Где ты, Смайл?

Дина подошла к хозяйке, свернувшейся калачиком в кресле, и сочувственно тронула ее лапкой. Мол, не переживай,

все образуется. Муж вернется. А пока у тебя есть я, казалось, говорил ее взгляд.

– Да, ты у меня есть, – подтвердила Мариша, подхватывая кошку за мягкое пузо и устраивая ее поудобнее у себя на коленях. – Это точно.

Дина мирно мурлыкала. Похоже, она совершенно успокоилась. И Мариша неожиданно для самой себя тоже стала успокаиваться. А потом и заснула. И в этом не было ничего удивительного, ведь скоро уже должен был начаться рассвет.

Проснувшись, Мариша первым делом побежала на кухню. Нет, вроде бы за истекшие часы чужих посещений не было. Мариша тщательно обследовала все помещение, пересчитала продукты в холодильнике, но никаких отклонений от вчерашнего не заметила.

– И все-таки с этим надо что-то делать, – озабоченно пробормотала она. – Я должна выяснить, кто хозяйничает у меня в квартире.

Завтракать ей совершенно не хотелось, и Мариша ограничилась чашкой чая с горячим молоком и сахаром. И выпила капсулу с витаминно-минеральной смесью из прописанных ей ее врачом.

– В принципе благодаря этим таблеточкам я могу вообще ничего не есть, – задумчиво произнесла Мариша. – Ну, если мне только самой не захочется пожевать чего-нибудь вкусенького. Но все необходимое, что надо мне и моему ребен-

ку, уже есть в этих таблетках!

Настроение у Мариши моментально поднялось.

К тому же она знала, куда ей сейчас следует поехать. В магазин радиоэлектроники! Она купит систему видеонаблюдения и еще покажет этим противным сосисочным воришкам и горе-художникам! Разоряться не станет, купит самую простенькую камеру. Ведь ей надо охранять всего лишь одну вещь в квартире – холодильник!

Однако в магазине глаза у Мариши моментально разбежались. Она вообще не была слишком большим специалистом в технике. А уж про электронные устройства и вовсе говорить нечего. Мариша никогда не понимала, как все эти крохотные штучки, похожие на миниатюрных жучков, способны помогать видеосигналу попадать на экран телевизора.

– Вам надо простейшую систему наблюдения? – переспросил у Мариши продавец. – Вы хотите ее купить, потому что кто-то таскает еду из вашего холодильника? Простите, а вы что, живете в коммунальной квартире?

– Какое это имеет значение? Нет, не живу!

– Просто если ваш холодильник стоит в общей кухне, будет затруднительно вмонтировать там видеокамеру. Она штука дорогая. Ее могут украсть в первую очередь. Да и для установки в местах общественного пользования требуется согласие соседей. В этом случае я бы вам посоветовал купить муляж. Он стоит копейки, а воришек отпугнет.

– Я уже сказала: живу в отдельной квартире. И муляж мне

не подходит. Я хочу точно зафиксировать момент кражи! И вора!

– Ну, что же, тогда могу посоветовать вам...

И продавец пустился в пространный рассказ и сравнения достоинств и недостатков различных моделей. Мариша слушала его вполуха. К чему ей все эти технические подробности? Ей надо только одно, чтобы камера работала и в нужный момент зафиксировала воришку!

– Беру вот эту! – сказала Мариша, ткнув пальцем в первую попавшуюся.

– Вы уверены? – немедленно усомнился продавец. – Это устаревшая модель. Вы можете приобрести гораздо более современную, управляемую с помощью спутника. Она также может использоваться в качестве видеоантенны для просмотра спутникового телевидения. Вот тут надо вставить, вот тут переключить, тут отрегулировать, а тут...

– Ничего не надо! – пришла в ужас Мариша. – И вообще, чем проще, тем лучше! Беру ту, что сказала.

– Эту модель я могу продать вам со значительной скидкой. Вы первая, кто остановил свой выбор на ней за последний год.

Не зная, радоваться ей или огорчаться своей технической отсталости, Мариша пошла в кассе, заплатила деньги и вернулась к продавцу с чеком.

– Вот телефон мастера, который поможет установить вам вашу камеру наблюдения, – сказал продавец, вручая Ма-

рише коробочку с ее покупкой. – Свяжитесь с ним прямо сегодня. И уже завтра вы сумеете вычислить вора. Однако должен вас предупредить, любительская скрытая съемка не является доказательством в суде и может рассматриваться лишь как дополнительный материал по ходу следствия. Магазин также не несет ответственности за то, как в дальнейшем вы собираетесь использовать купленную у нас видеокамеру.

– Я не собираюсь никого засуживать, – заверила его Мариша, принимая из рук в руки свою покупку и поднося к глазам номер мастера, которому следовало немедленно позвонить. – Просто я должна знать, кто орудует у меня на кухне!

По дороге домой у нее на телефоне высветилось сообщение. «Вам звонил Гаврош». Удивившись, что нужно от нее парню, Мариша набрала его номер.

– Спасибо, что перезвонили. У меня деньги на трубе закончились, а меня вызывают к следователю!

– Да? Ну, сходи.

– А вы можете пойти со мной?

– Зачем это? – удивилась Мариша.

– Ну... Я ведь в этих делах не очень хорошо разбираюсь. А следователь что-то такое говорил про наследство и про то, что я единственный наследник Фила.

– У твоего отца были несметные сокровища?

– Ни шиша у него не было! Я же вам говорил! Он моментально спускал все, что зарабатывал.

– Тогда иди смело к следователю и ничего не бойся. И потом... Пстой! А разве твой отец умер не от сердечного приступа?

– Так-то оно так, только у них возникли какие-то сомнения. А так как алиби у меня нет, то они меня и дернули.

Мариша задумалась. Хм, странно. Что-то тут не так. Может, ей все-таки съездить с Гаврошем к следователю? Но тут же она вспомнила про мастера, который должен прийти к ней уже через час, и поняла, что в два места никак не успевает.

– Ты мне позвони, как только выйдешь от следователя. Если что-то серьезное, я мигом примчусь.

Оказавшись дома, Мариша даже ахнула от возмущения. Незваные гости снова побывали у нее! И прекрасно провели время в ее отсутствие. В мойке стояла сковорода с остатками пригоревшей яичницы. Но не это было самое невероятное. Хуже всего было то, что в ванной комнате на радиаторе теперь сушились незнакомые Марише мужские трусы и носки!

– Это просто невероятно! – ахнула она. – Они тут теперь и постирушку у меня устраивают!

Впрочем, трусы и носки были представлены, так сказать, в единственном экземпляре. Так что гость, скорей всего, был один. И он явно намеревался вернуться за своими деталями одежды. Ну уж нет! Мариша нацепила резиновые перчатки и гневно сдернула трусы и носки, затем сунула их в мусорный пакет и выкинула в ведро.

У нее тут не прачечная и не столовая! Однако, если гость

наглеет и теперь он и в ванной комнате чувствует себя по-хозяйски, то одной видеокамерой, пожалуй, будет не обойтись. Тут нужны две, а лучше так и все три камеры!

И еще Маришу очень огорчил тот факт, что посещающий ее гость явно относится к гуманоидам. Да еще обитающим с ней по соседству. Труссы, носки – космические осьминоги такие вещи не наденут. Очень жаль, Мариша бы предпочла, чтобы ее посещали жители других планет.

С нетерпением ожидаемый Маришей мастер не появился ни через час, ни через два часа. Все повторные попытки дозвониться до него позорно провалились. Зато Марише позвонил Гаврош. Голос у парня дрожал. И он был явно очень взволнован.

– Они говорят, что в организме отца нашли какой-то препарат. Он стимулирует активную деятельность всего организма. Но он же и вызвал перебои в работе сердца. Но отец ничего такого не принимал!

– А как же тогда это лекарство попало к нему внутрь?

– Не знаю. Следователь спрашивал у меня о каком-то ли-по... пило... Нет, хоть убей, не помню названия лекарства!

– Возможно, твой отец сам его принял? Он же не давал тебе отчета во всех своих действиях. Если ты говоришь, что Фил так любил заниматься самолечением, возможно, он сам приобрел себе этот препарат, но по незнанию принял слишком большую дозу.

– Вот вы так это хорошо говорите! – воскликнул Гаврош. –

Сразу становится ясно, что я ни в чем не виноват! Если бы вы то же самое сказали следователю, он бы не задавал мне все эти дурацкие вопросы насчет того, чем я занимался тем вечером и всякое такое! Уф!

– Ладно, – вздохнула Мариша. – Вижу, своего мастера я все равно не дожусь. Почему бы и не помочь тебе? Говори, где сидит твой следователь!

– Вы к нему правда поедете?

– Съезжу.

– Прямо сейчас поедете?

– Да. Скажешь ты мне адрес или нет?

– Скажу. И знаете, тогда я вас тоже тут подожду! Все равно на работу я сегодня не пошел. Рабочий день насмарку. Должен же я хоть одно дело довести до конца!

Следователь Сыроведов не очень-то обрадовался вмешательству Мариши.

– Вот только доморощенных сыщиков мне и недоставало! – проворчал он. – А еще пуще, сыщиц! Дамочка, занимались бы вы своими собственными делами, а нам представили бы заниматься своим делом!

– Так я же вам помочь хочу!

– Вы? И чем же?

В голосе следователя слышалось такое откровенное пренебрежение, что Мариша внутренне вся вскипела. Ну, почему он так с ней разговаривает? Можно подумать, у него оче-

редь в коридоре стоит из желающих ему помочь!

– Я точно знаю, что ваш покойник был связан с еще одним преступлением, – сказала она. – Вот вы подозреваете его сына, а между прочим...

Договорить ей не удалось. Следователь вскинул руки вверх и воскликнул:

– Помилуйте, дорогуша, так вы пришли защищать этого мальчишку? Уверяю вас, ему ничего не грозит! Мы навели справки, покойный вел такой образ жизни, что остановка сердца совсем не удивительна! Наверное, у него весь организм был расшатан неправильным образом жизни. И конечно, при таком количестве молодых любовников он нуждался в сильных стимулирующих средствах.

– Зачем же вы тогда напугали Гаврилу?

– А для острастки, – снисходительно пояснил ей следователь. – На самом деле ему ничего не грозит. Так что можете быть совершенно спокойны за своего подопечного. У вас все? Можете идти!

– Нет, погодите! Гаврош ни при чем, это хорошо. Но кто-то ведь должен был дать Филу это лекарство!

– Сам его принял. Я же вам сказал.

– А я вам сказала, что Фил был связан с ограблением и убийством. Он отключил...

– Дорогая дамочка, помолчите! – резко осадил ее следователь. – Я занимаюсь данным конкретным делом. Никаких причин, чтобы подозревать убийство, у меня нет. Налицо

несчастный случай. Поэтому идите отсюда, пока я вас не задержал за вмешательство в дела следствия!

Мариша вылетела из его кабинета пулей. Давно ей не встречался такой твердолобый субъект! Надо же, он соби-рался ее задержать! Безобразие!

Гаврош преданно ждал Маришу на улице. Вид у него был перепуганный. И Мариша сразу же воскликнула:

– Тебе ничего не грозит! Следователь не имеет к тебе равным счетом никаких претензий! Это он тебя просто пугал!

Гаврош просиял.

– Вот видите, как хорошо, что вы приехали! – воскликнул он, доверчиво глядя Марише в глаза. – Я бы не смог сам ничего растолковать следователю. А у вас как ловко получилось! Раз – и готово!

Его искренняя похвала пролилась бальзамом на ее сердце. В конце концов, она сюда приехала для того, чтобы помочь Гаврошу. И она ему помогла. Так в чем же дело?

И уже спокойнее Мариша прибавила:

– Тело твоего отца будет выдано тебе уже завтра. Можешь начинать приготовления к похоронам.

– Хорошо. Тогда... того... отпуск мне на работе надо будет оформить, – деловито забормотал Гаврош. – Слушайте, спасибо вам огромное! А что вы там про мастера говорили? Я вас от дел оторвал?

– Да нет. Мастер все равно куда-то запропастился. Не пришел, хотя и обещал быть.

– А что надо-то? Вы мне скажите, может, я смогу! Я на этот счет головастый. Да и руки у меня из нужного места растут.

– Ну... Не знаю. Как-то неудобно тебя беспокоить. У тебя и так дел по горло.

– Да чего не удобно-то?! – загорячился парень. – Вы ради меня вон в какую даль приехали! Что у вас случилось?

– Хочу установить видеонаблюдение у себя в квартире.

– Ну? И чего? – деловито осведомился парень. – Аппаратуру купили?

– Да.

– С инструкцией?

– Ну, наверное, да.

Вроде бы продавцы вкладывали в коробку какие-то листочки. Наверное, это и была инструкция?

– Так я вам сейчас все мигом смонтирую. И денег не возьму. Зачем вам деньги на настоящего мастера тратить. Я все сделаю бесплатно и ничуть не хуже его самого.

Паренек так горячо уговаривал Маришу, что она пошла на попятный. Видеонаблюдение ей нужно позарез. Сколько она может ждать настоящего мастера? Ведь неизвестно, что, и главное, когда в следующий раз устроят таинственные посетители у нее в квартире.

Мариша должна знать, что происходит у нее в доме. Ведь недаром говорится, кто предупрежден, тот вооружен. Всегда надо знать, к чему быть готовым.

Гаврош не соврал. Он действительно оказался очень рукастым и головастым. Не прошло и сорока минут, как он уже прочитал инструкцию и разобрался, что и к чему там крепится, где поворачивается, а где переключается.

Затем в два счета укрепил видеокамеру под нужным углом. Установил дополнительную аппаратуру для съемки. И воскликнул:

– Ну, все готово, хозяйка! Принимайте работу.

После того как работа была принята, Мариша усадила паренька ужинать. Из тех продуктов, которые у Мариши были, получился совсем неплохой и даже сытный ужин. И то ли Мариша была сегодня в ударе, то ли присутствие голодного паренька так на нее подействовало, но ужин удался.

Во всяком случае, Гаврош с аппетитом навернул и макароны с тушенкой, и сосиски, и даже мясной салат, который Мариша соорудила на скорую руку из холодной картошки, вареного мяса, зеленого горошка, соленых огурцов и репчатого лука. Ну, и конечно, в салат она добавила майонез. А Гаврош каждую свою порцию еще и дополнительно щедро заливал этим соусом сверху.

– Люблю майонез, – признался он Марише, как будто бы это и так было не понятно. – А вот мой отец его никогда в рот не брал.

– Да? А почему?

Мариша спросила просто так, машинально. Хотя сказан-

ное Гаврошем ее, признаться, слегка удивило. Она сама любила этот соус и не понимала, как можно так категорически его не выносить.

– С этим соусом у отца была связана одна неприятная история, – ответил Гаврош. – Рассказать?

– Ну, давай, если хочешь.

– Забавная история, если честно. Отец в ту пору ездил на гастроли в Европу. И у него там было много друзей. Такие же актеры, как и он сам. Но жили они совсем иначе – свободнее и проще. И отцу нравилось останавливаться не в гостинице, а у них дома.

Ну, еще бы! Во-первых, живое общение. А во-вторых, селась у друзей, можно неплохо сэкономить на командировочных. Впрочем, последний вывод оказался ошибочным. Приезжая к друзьям, Фил всегда демонстрировал чудеса щедрости широкой русской души. Он всегда покупал множество деликатесной снеди, хорошего вина, выставлял на стол привезенную с собой водку и икру. Так что он был желанным гостем в домах своих друзей.

И вот однажды он приехал к друзьям, разумеется, тоже гегам. Дело было в Мюнхене. Берлинская стена к тому времени уже благополучно рухнула, и объединенная Германия была открыта для многих новых веяний.

Фил уже много раз бывал за границей, но всегда немного пасовал перед незнакомыми названиями продуктов и упаковками. По-немецки Фил не знал ни слова. В свое время он

изучал итальянский, а также немного знал английский.

Но в немецких супермаркетах знаний этих двух языков было явно недостаточно, чтобы разобраться в немецких названиях. И Фил старался брать такие вещи, которые ему были хорошо знакомы – колбасу, рыбу, ветчину или сыр. А еще шоколадные конфеты, которые было трудно перепутать с чем-то другим.

– В общем, посидели они в тот вечер хорошо. Хозяева здорово выпили, закусили, поговорили по душам под русскую водочку. А потом все разошлись по своим комнатам.

Под утро Фил проснулся от неприятного ощущения под ложечкой. Вчера вечером, стремясь хорошо угостить и развлечь своих хозяев, он сам больше налегал на спиртное. Закусывал через раз. И хотя не слишком опьянел, Фил вообще пьянел редко, но пожрать ему сейчас хотелось отчаянно. Желудок буквально выпрыгивал изнутри, требуя еды.

Будить хозяев из-за такой ерунды Фил не стал. Решил, что разберется во всем сам. Соорудит себе какой-нибудь бутерброд из остатков вчерашней трапезы, и порядок!

– Ну, отец протопал в кухню к холодильнику. Достал там продукты. Хлеб, колбасу, огурцы, майонез. Сделал себе большущий бутерброд, слопал его и пошел спать.

Утром Фила разбудили громкие крики. Недоумевая, что могло так встревожить его хозяев, Фил выскочил из своей комнаты и примчался на кухню. Там он увидел Ханса, который приплясывал возле холодильника, причитая и размахи-

вая пустой банкой из-под майонеза.

Думая, что приятель расстраивается из-за майонеза, Фил указал на банку и признался:

– Я съел.

– Ты? Съел?

Выражение лица Ханса было таким странным, что Фил моментально устыдился. Да, майонеза в банке оставалось на самом дне. И он его выскреб до конца. Но неужели милый Ханс так расстроился из-за такой ерунды?

– Я куплю новый! – заверил он Ханса. – Прямо сейчас!

– Купишь?! – подскочил на месте приятель. – Где?

– В магазине! Пойду и куплю!

– О! – закатил глаза Ханс. – Невероятно! Просто невозможно! Какой ужас!

– Куплю самую большую банку! – испугался Фил, броса-
ясь к дверям.

– Нет! Ты думаешь, ты съел майонез?

– Ну да! Сам покупал эту банку. Хорошо запомнил ее на-
звание.

– Тот майонез давно кончился! Еще в прошлый раз. А по-
том мы с Антоном использовали эту банку для хранения дру-
гого продукта!

– Какого же?

– Ты же знаешь, что мы с Антоном давно пытаемся заве-
сти себе ребенка.

Фил кивнул. Да, его друзья-геи неоднократно говорили о

своём желании усыновить чужого ребенка. Но, увы, раз за разом правительство отказывало им в этом. В те годы к однополым парам даже в европейском обществе было несколько настороженное отношение. Или сами ребята с их непостоянной работой не внушали доверия органам опеки, но малыша Хансу и Антону никак не давали.

И вот теперь оказалось, что они решили завести своего собственного младенца.

– Мы уже нашли суррогатную мать. Нашли медицинский центр, который согласился провести искусственное оплодотворение. А в качестве донора выступили мы оба. Решили, что так будет справедливо. Неважно, чей именно сперматозоид приживется в теле женщины. Каждый из нас будет считать ребенка своим. И заботиться о нем как родной родитель.

Фил слушал и не в силах был поверить в то, что услышал. Что же он слопал вместо майонеза? Что было в проклятой банке? Неужели?..

– Да! Ты намазал на хлеб наш донорский сбор! А мы с Антоном так старались! – произнес Ханс и заржал.

Но Филу было не до смеха. К Хансу и Антону, как ни странно, он испытывал исключительно дружеские чувства. И когда он понял, ЧТО именно он слопал вместо майонеза, ему стало совсем худо.

– Вот с тех пор отец никогда и не употреблял в пищу этот продукт, – сказал Гаврош, вылизывая тарелку. – А я ем! И мне очень даже нравится. А еще я ем шоколад. Отец то-

же обожал шоколад. С ним у него не было связано никаких неприятных воспоминаний.

Мариша задумчиво забрала у парня пустую тарелку. Она налила ему чаю и придвинула вазочку с шоколадными конфетами, за которые парень взялся с видимым удовольствием. И пока она устраивала грязную посуду в посудомоечную машину, перед Гаврошем уже образовалась небольшая кучка пустых фантиков.

Мариша и их сгребла в мусор. Теперь у нее наконец появилась возможность задать Гаврошу несколько вопросов.

– Скажи, а твой отец когда-нибудь упоминал фамилию Воронцовых?

– Воронцовы? Что-то не припомню я таких, – помотал своей лобастой головой Гаврош. – А зачем вам? Кто они такие?

– Старший Воронцов занимался коллекционированием старинных вещей. Преимущественно из серебра.

– У отца из серебра был только браслет, который он привез из Турции. Страшная дешевка!

– А старинные вещи у него были?

– Откуда? Отец приехал в Питер из Самары. И с собой, как рассказывала мне моя бабушка, у него был лишь чемоданчик со сменой белья и единственными целыми ботинками на зиму. Отец учился в театральном, получал грошовую стипендию. И максимум его благосостояния пришелся на тот период, когда он был женат на моей матери. Но и тогда ниче-

го дороже простого обручального колечка они не покупали.

После развода с матерью Гавроша и осознания того, что он является человеком несколько иной ориентации, чем окружающие его мужчины, Фил жил, не голодая, но и без роскоши. Те гонорары, которые он получал за свои выступления, Фил очень быстро тратил на самого себя или на своих юных любовников.

– А чем старше становился отец, тем моложе были его мальчики. И знаете, я даже готов поверить следователю. Отец мог начать употреблять какие-нибудь стимуляторы, чтобы соответствовать своим мальчишкам!

Мариша тоже так думала. Но еще она думала, что как ни крути, а Фил был в доме Воронцова. И был он там как раз в тот день, когда коллекционера убили и ограбили. И пусть Фил этого сам и не делал, но он явно знал, кто собирался это сделать. А раз он попал к Воронцову домой без всяких проблем, хотя Воронцов и был крайне осторожен в том, что касалось безопасности его жилья, значит, Воронцов тоже хорошо знал Фила.

И знал он его уже давно. И это не было случайным знакомством. Воронцов подобных знакомых не признавал. И к себе домой их, разумеется, не приглашал.

– Скажи, а ты знаешь кого-нибудь из старых друзей твоего отца? – спросила Мариша у Гавроша.

– Поверите ли, сам об этом сейчас думал! Кого приглашать на похороны? Лешку, Кешку и других его дружков? Так

ведь они все мотыльки-однодневки. Мне бы хотелось, чтобы отца в последний путь провожал кто-то серьезный. Тот, кто хорошо его знал. Знал и любил.

– И кто же? Есть такие люди?

– Вот только тетя Маня мне и вспоминается, – вздохнул Гаврош.

– Тетя Маня? А это кто такая?

– Сестра отца. Очень хорошая женщина.

– Вот как? Тетя Маня? А ты ее хорошо знаешь?

– После того как отец развелся с матерью, тетя Маня была единственной, через кого мои мама и бабушка с дедушкой общались с отцом. Тетя Маня сразу же сказала, что в семейных разборках участвовать не станет. Что Фил может жить, как ему заблагорассудится. Но ребенку, то есть мне, помогать обязан. За это мама и дед с бабкой ее очень заужавали. И всегда тетя Маня была у нас дома дорогим гостем.

– Она тебе тоже помогала?

– Тетя Маня – она хорошая. Она – актриса, как и отец. Своих детей у нее нет и теперь уже вряд ли появятся.

– Да? А почему?

– Тетя Маня была старше отца почти на десять лет. И это именно она вызвала его из Самары, сказав, что лицедейство у всей их семьи в крови. И у Фила все обязательно получится. Она и меня уговаривала пойти по стопам отца. Только я не захотел. Не мое это. Не мое, и все тут.

Мариша молча слушала. Вот оно как! Значит, у Фила име-

лась еще и авторитарная успешная сестра. Наверняка Фил испытывал к ней сложную гамму чувств. Но также Мариша была уверена, что сестру Фил уважал. И вполне возможно, кое-что о делах брата этой особе, которую Гаврош именовал запросто – тетя Маня, было известно.

Глава 9

Выяснить адрес тети Мани не составило никакого труда. Гаврош сам при Марише позвонил своей тетке и рассказал ей о том, что случилось с Филом. Против ожидания тетя Маня не ударилась в истерику, хотя новость о смерти Фила явно потрясла ее.

– Говори по существу, – сухо приказала она племяннику. – Не растекайся мыслью по древу! Что случилось? Сердце?

– Врачи говорят, да.

– Ясно, – отрезала тетя Маня. – Не хочу обсуждать смерть Фила по телефону. Можешь ко мне приехать?

– Прямо сейчас?

– До утра я хочу узнать все подробности. К тому же, я так понимаю, Фила предстоит хоронить. Ты уже занялся приготовлениями?

– Я? – растерялся Гаврош. – Я – нет.

– Почему? Ты уже не маленький мальчик и знаешь что к чему.

Видимо, этим тетка хотела сказать, что сирота должен раз-

бираться в процедуре похорон. На взгляд Мариши, это было жестоко. Но тетя Маня вообще была дамой не склонной к сантиментам.

– Понимаете, – забубнил Гаврош, – следователь только сегодня сказал, что можно забирать тело. И...

– Следователь? А при чем тут следователь? Отца убили?

– Ну, одно время они подозревали разное и...

– Все ясно! – снова отрезала тетя Маня. – Приезжай ко мне прямо сегодня.

– А не поздно?

– Нет, не поздно. Спать я все равно теперь долго не лягу. Такая новость, где уж тут спать!

В трубке раздались короткие гудки, а Гаврош растерянно взглянул на Маришу.

– Поедем вместе, – успокоила его она. – Надеюсь, твоя тетя не будет против?

– Надеюсь.

Но по выражению лица Гавроша можно было без труда прочесть, что свою властную тетку он побаивается. И лишней раз сердить ему эту грозную мадам совсем не хочется.

– Кто это? – первым делом поинтересовалась тетя Маня, когда открыла дверь и увидела Маришу.

– Тетя... Это моя знакомая.

– И что она тут делает? Наш разговор не для посторонних!

– Тетя, она как раз не посторонняя.

– Что? Неужели – это твоя невеста? Старовата она для

тебя!

И прежде чем Мариша успела возмутиться, актриса повернулась к ней и заявила:

– Дорогая, поймите меня правильно. Лично против вас я ничего не имею. Мой племянник уже совершеннолетний. И хотя по уму он все еще малое дитя, мне будет даже спокойней, если рядом с ним будет женщина вроде вас – взрослая и опытная. От молоденьких девчонок одно только беспокойство. У них в голове вместо мозгов – ветер. А вот мы с вами – это совсем другое дело.

У Мариши от этой тирады прямо в глазах помутнело. От ярости, разумеется. Актриса выглядела на полный полтинник. И она явно не старалась скрыть свои годы. Но Мариша-то моложе ее! Гораздо моложе! И как их можно сравнивать?

– Тетя, вы неправильно все поняли, – попытался вмешаться Гаврош, но быстро замолчал под гипнотизирующим взглядом тетки.

Тетя Маня действовала на бедного парня, как удав Каа из книжки про Маугли действовал на впечатлительных бандерлогов. Но в отличие от Гавроша сама Мариша не чувствовала в себе ни капли страха перед этой особой.

Да плевать она хотела на эту тетку, пусть даже тетя Маня и была очень крупной женщиной.

У пожилой актрисы были широкие, почти мужские плечи. Полное отсутствие талии или бедер. Тетя Маня словно

была целиком вырублена из колоды, а скульптор поленился потратить время на работу и сделал ее грубо и топорно.

Таким же было и лицо тети Мани. Резкие черты. Большой нос. Большой рот и грубый мужской подбородок. Единственным, что украшало великаншу, была густая копна волос. Теперь уже трудно было угадать их первоначальный цвет, актриса красила их у хорошего мастера. Так что сейчас волосы у нее были каштановыми.

Оправившись от первоначального шока, вызванного такой неласковой встречей, Мариша уже внутренне собралась и теперь была готова дать отпор высокомерной тетке.

– Я пришла к вам с Гаврошем по долгу службы, а не по собственному желанию. Просто потому, что я расследую обстоятельства смерти вашего брата.

Вот теперь тетю Маню проняло:

– Филя все-таки убили? – ахнула она, хватаясь за грудь. – Ах, паршивец, почему же ты сразу мне об этом не сказал! К чему кормил меня сказками про больное сердце отца? У Филя было совершенно здоровое сердце! Я это точно знаю. У всех в нашей семье очень крепкое здоровье! Поэтому мы и Силовы!

– Ваш брат еще до своей смерти оказался замешанным в преступлении.

– Кто? Фил? Ни за что в это не поверю! Брат был очень порядочным человеком!

Смешно прямо! Нашла порядочного человека! Гея и раз-

вратника! Конечно, Мариша не была близко знакома с Филом, но точно могла сказать, что порядочностью там и не пахло.

Но вслух она лишь ехидно заметила:

– Ну да, покойник был очень порядочным. Вот только предпочитал не женщин и спал исключительно с молоденькими мальчиками, которые ему в сыновья годились!

– Это его личное дело!

– И ладно бы он с ними просто спал, в конце концов, это действительно его личное дело, с кем ему спать. Но он еще и менял их, словно носки. И совсем не возражал против групповых занятий сексом! И, наверное, практиковал и еще более извращенные развлечения. Не удивлюсь, если он стал употреблять и наркотики для стимуляции всех этих оргий.

От этих слов тетя Маня побагровела. Похоже, она была из тех людей, для которых секс существует исключительно под пологом супружеской спальни, благопристойно укрытый от посторонних глаз длинными ночными рубашками, и говорить на эту тему не только неприлично, но просто кощунственно.

– Это ты ей рассказал про отца? – кинула она на племянника гневный взгляд.

– Нет! Она и сама уже все знала!

– Откуда?

– А что тут знать? – рассердилась в свою очередь и Мариша. – Достаточно было пообщаться пять минут с юными

дружками, а верней, подружками вашего брата, как все стало очевидным.

Тетя Маня прикрыла лицо руками.

– Какой позор! – прошептала она. – Теперь все узнают об этом. На похоронах только и будут шептаться, что Фил сам довел себя до смерти. Я не вынесу этого позора! Гаврюша, ты должен сделать так, чтобы никто из этих мерзких мальчишек даже близко не подошел к гробу твоего отца!

– Но тетя...

– Только ты, я и другие родственники! И еще несколько наших старых друзей! Я сама решу, кого именно следует пригласить. Гаврила, пойми, все должно выглядеть прилично. Я ни в коем случае не хочу унижить твоего отца, но в память о нем мы с тобой должны постараться и сделать так, чтобы на церемонии не было никого из его юных любовников.

– Но тетя... Папа любил их и...

– Гаврила! Твой отец мертв! А мы с тобой должны позаботиться о его репутации. Совсем ни к чему, если газеты напишут, что за гробом известного актера шла длинная цепочка из его молодых любовников!

А у этой тети Мани богатое воображение! Известный актер! Очередь из любовников! Вот только жаль, что она неисправимо застряла где-то в прошлом веке и не понимает, что напиши газетчики в самом деле нечто такое про Фила, его репутации это только пошло бы на пользу. Вместо того что-

бы осуждать, ему принялись бы завидовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.